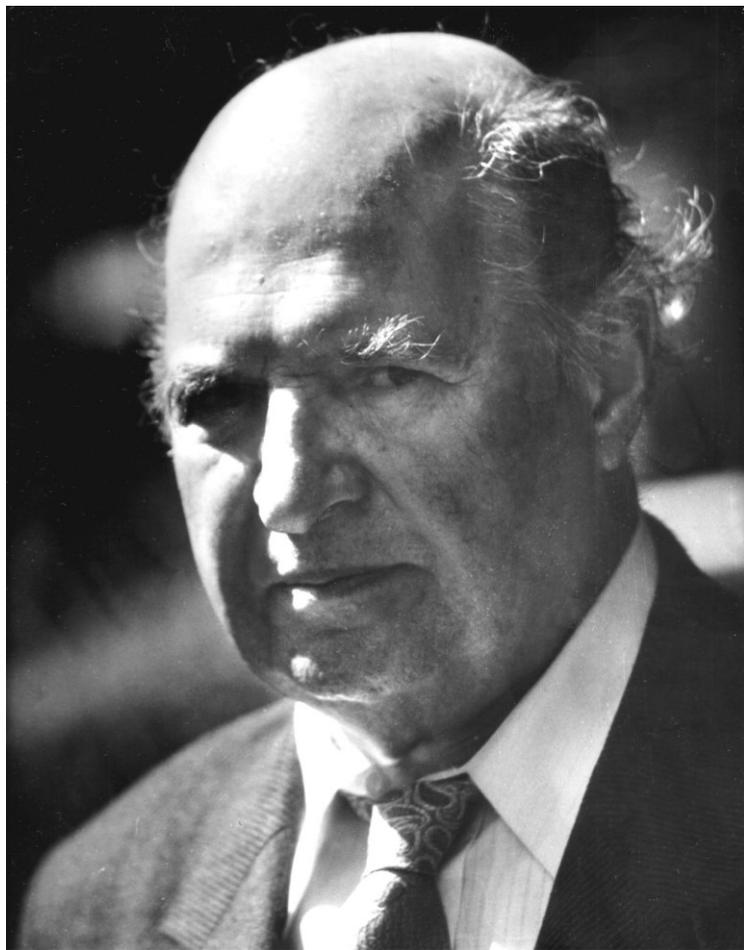

Юрий Шумаков

**Игорь-Северянин и его
окружение в Эстонии**

Другая биография поэта.

**Таллинн
2007**

Юрий (Георгий) Дмитриевич Шумаков.

© 2006. Михаил Петров. Составление,
оформление, примечания.

Капитан Врунгель

Я познакомился с Шумаковым, когда он еще жил на самой окраине парка Кадриорг на улице Куристику в тесной двухкомнатной квартире с печным отоплением. Наше знакомство состоялось в ту пору, когда мой интерес к поэту Игорю Северянину перестал быть просто интересом. Правда, сам Шумаков утверждал, что хорошо знал меня еще в самом юном возрасте.

Вообще Шумаков знал всех и вся. Несколько раз мне приходилось наблюдать, как он ставил в неловкое положение желающих с ним познакомиться. *«А ведь мы с вами знакомы, – Шумаков называл точное место и обстоятельства, – только вы меня не помните, а я вас помню»*. Иногда он любил ошарашить нового собеседника фразой: *«А ведь я хорошо знал вашу мамушку. Большая шалунья была в молодости»*. После такого вступления доверие нового знакомого к Шумакову становилось безграничным. Он хорошо помнил имена и лица, но часто жаловался мне, что точные даты – это не его стихия.

Когда мы познакомились, еще была жива его тогдашняя жена Ольга Муравина. Старики любили под ручку старомодно и церемонно прохаживаться по аллеям парка до «Русалки» и обратно. Иногда на такие прогулки приглашали и меня. По дороге, бывало, подолгу отсиживались на скамейках из уважения к Ольге Владимировне, которая уже тогда была неважным ходяком. Если Юрий Дмитриевич бывал в настроении, то забавлял нас бесконечными историями – *эстляндскими былями* в авторском исполнении. Тогда я не придавал им особенного значения, но охотно запоминал имена из малознамого мне еще окружения Игоря-Северянина.

Однажды Шумаков удивил меня, когда обратил внимание на тот простенький факт, что именно Игорь-Северянин сподобился стать родоначальником *ленинианы* в русской поэзии, когда весной 1918 года воспел позорный для России Брестский мир в стихотворении «По заслугам». Этот случай я запомнил надолго.

В конце 80-х годов Юрий Дмитриевич переживал ренессанс своей переводческой деятельности и начинал пробовать себя в роли мемуариста. Мало кто теперь помнит, что он был уникальным переводчиком и владел даром перевода с эстонского на русский и наоборот. Несмотря на свои колоссальные за-

слуги перед двумя культурами, после возвращения из эвакуации, сидения в лагерях и поражения в правах Шумаков до конца 80-х годов не мог восстановиться в союзе писателей. За ним ходила некрасивая история с угоном автомашины, якобы посланной для эвакуации из Усть-Нарвы больного Игоря Северянина. Это обстоятельство сильно осложняло его творческую жизнь и напрочь перечеркнуло карьеру. Только в 1989 году мне удалось доказать, что эта глупая история была выдумана от начала и до конца последней гражданской женой Игоря Северянина Верой Борисовной Коренди.

Шумаков часто грешил против чистоты мемуарного жанра, вероятно, потому, что, будучи натурой творческой, писал воспоминания, а не бухгалтерские отчёты, сверенные с накладными до последнего знака. Недопонимание этого со стороны читателей и специалистов ему часто вредило. Исторические факты, приправленные мистификациями и литературными анекдотами, гораздо рельефнее воспроизводят описываемую эпоху, чем мемуары типа бухотчетов. Оспаривать исторический анекдот – дело глупое и безнадежное. Шумаков был литератором, а не мемуаристом, и это многое объясняет. Никто из его гостей не уходил обиженным: каждый получал в подарок какую-нибудь забавную историю. Наиболее удачные истории со временем становились *эстляндскими былями*, что ввело в заблуждение «соавтора» Шумакова по былям В.Н.Ильяшевича, как будто уверовавшего в их достоверность.

Однажды Тамара Павловна Милютина, хорошо знавшая Шумакова по Тарту и Русскому студенческому христианскому движению, рассказала мне, что уже в то время он слыл выдумщиком и гордо носил заслуженное прозвище «капитан Врунгель».

Шло время, и отношение Юрия Дмитриевича ко мне несколько изменилось: он перестал воспринимать меня как доверчивого слушателя своих мистификаций и литературных анекдотов. После того

как мне удалось реабилитировать его в истории с угоном машины, якобы посланной за Игорем-Северяниным, наши отношения изменились ещё более. Внешне это выразилось в том, что Шумаков перестал обкатывать на мне сырые истории и стал выдавать только перлы. Мне показалось тогда, что наступил период охлаждения в наших отношениях. Мы общались редко, встречались от случая к случаю, в основном на официальных мероприятиях, иногда перезванивались.

Шумаков рассказывал, что первым, кто подтолкнул его к написанию воспоминаний об Игоре-Северянине, был Борис Пастернак:

«Пастернак убеждал меня написать воспоминания об Игоре Северянине. <...> Замечено: к собиранию материалов приступают зачастую тогда, когда проходит слишком много лет со дня кончины творческой личности, когда из жизни давно ушли его друзья, да и просто современники. Не пора ли – подумалось мне в феврале 1989 года – записать пока не поздно, воспоминания об Игоре Северянине и его окружении в эмиграции».

Упоминание о Пастернаке наводит на мысль о том, что Шумаков должен был бы встречаться с поэтом в период с 1955 года по 30 мая 1960 года. Довоенная встреча с Пастернаком в 1939 году не в счёт, поскольку в этот момент Игорь-Северянин был ещё жив и тема «воспоминаний о нём» не была актуальной. По той же причине не срабатывает отсылка к беседам с Пастернаком во время войны, поскольку в черновиках неоднократно упоминается, что о смерти Игоря-Северянина сам Шумаков узнал уже после войны.

В 1944 году Шумаков был осуждён по ст. 58-10 УК РСФСР (измена родине) и получил 8 лет лагерей с последующим ограничением в правах на три года, что существенно сужало возможность передвижения по стране после освобождения. В сумме это даёт нам 11 лет довольно жёсткой привязки к Ярославской области, по прошествии которых Шумаков получил относительную свободу передвижения. Однако к 1955 году Пастернак уже находился в опале, а с 1957 года был исключен из Союза писателей за публикацию за границей романа «Доктор Живаго» и подвергся обструкции. Человеку, имеющему судимость по 58 статье УК опасно было встречаться с опальным поэтом, да и для самого поэта такие встречи были крайне нежелательны.

Довольно странно, что Шумаков как будто приступил к написанию воспоминаний об Игоре Северяnine в 1989 году, т.е. спустя более 30 лет после увещаний Бориса Пастернака. Однако это не совсем так, поскольку мемуарные очерки о «встречах и дружбе» с Игорем-Северяниним начали появляться значительно раньше – уже в первой половине 60-х годов. По словам Шумакова, в 1944 году во время следствия у него вымогали показания против Б.Л.Пастернака. Однажды следователь даже заставил его сделать 300 приседаний за нежелание «вспомнить» о шпионской деятельности Пастернака. Упоминание Пастернака (за которого он пострадал) в связи с воспоминаниями об Игоре-Северяnine должно было, по мысли Шумакова, придать мемуарному (точнее, литературному) материалу большую историческую достоверность.

Незадолго до смерти Юрий Дмитриевич признался мне, что долгое время его отношения с Игорем-Северяниним носили натянутый характер. Игорь-Северянин ревновал молодого переводчика эстонской поэзии, и в этой ревности было отчетливо видно право гения, охраняющего свои приоритеты. Ни для кого не секрет, что переводы Шумакова эстонская критика сравнивала с переводами Игоря-Северянина и признала их более удачными. Вот почему автограф Шумакову на «Рояле Леандра» отмечен *запоздалой ласковостью* поэта.

Я узнал о смерти Юрия Дмитриевича уже после похорон. Мало того, что не договорили при жизни, так и проститься, по-христиански не довелось. Чувство вины и досады теперь останется надолго. Но не хочу заканчивать на этой печальной ноте. Как-то он подарил мне такую байку:

– Один известный советский деятель, желая, видимо, уязвить меня в связи с моими рассказами о встречах с великими современниками, задал мне вопрос, встречался ли я с фашистами. – А как же! – Ответил я. – Конечно, встречался, причем с наиболее видными из них. – И, где позвольте спросить? – Язвительно поинтересовался собеседник. – А в Москве, где же ещё! В гостинице «Националь», где я остановился по приглашению ВОКС'а жила делегация из Германии, приехавшая на подписание пакта «Молотова-Риббентропа». Каждое утро мы дружески завтракали в ресторане. Очень удивлялись, когда я читал им по памяти Гёте, причём в оригинале. Языки нам, знаете ли, преподавали отменно. Немецкий в особенности. Я вам как-нибудь расскажу, как пил кофе с самим Иоахимом фон Риббентропом...

Общие замечания

Вниманию читателя предлагаются фрагменты из черновиков воспоминаний Юрия Дмитриевича Шумакова о его встречах с поэтом Игорем-Северяниным, относящиеся к периоду 1960-1990 годов. Черновики позволяют проследить, как именно выстраивался со временем тот или иной эпизод из воспоминаний. Всё вместе довольно легко складывается в «другую» биографию поэта, в которой едва ли не главным в его эстонском окружении была семья Шумаковых.

Основная масса сообщений практически не поддаётся проверке, поскольку трудно подтвердить или опровергнуть факт встречи или беседы поэтом, тему разговора. Особенно это относится к оценкам собратьев Игоря-Северянина по перу. Довольно противоречиво выглядит его отношение к Советской России. Отдельный и весьма любопытный блок составляют оценки творчества Игоря-Северянина, сделанные С.С.Прокофьевым, М.Чеховым, советскими поэтами и писателями.

Для удобства пользования фрагменты расположены в приблизительно хронологическом порядке, пронумерованы и (там, где это возможно) сгруппированы по темам и привлечённым персонажам. Простые отточия принадлежат Шумакову и, как правило, отделяют друг от друга не имеющие логической связки фрагменты текста. Вероятно, автор предполагал, что связки будут дописаны позднее. Отточия, заключённые в острые скобки <...> принадлежат публикатору и означают пропуски в тексте длиннот, повторов, и т.п., не искажающих смысл фрагмента и его восприятие.

Значком # отмечены номера фрагментов, которые вошли в книгу Ю.Шумакова «Пристать бы мне к родному берегу» (Таллинн, 1992). Ранее опубликованные фрагменты воспроизводятся только тогда, когда есть возможность сличить их с черновыми записями.

Значок * в конце текста обозначает наличие примечания или комментариев.

Игорь Северянин и его окружение в Эстонии

Другая биография поэта.

1#. В летние сезоны мой отец гастролировал в Нарва-Йыесуу (Гунгербург, Усть-Нарва).* Однажды мы отправились с ним побродить у реки. Любуясь своенравной Наровой в том месте, где в неё впадает Россонь – полноводное колено реки Луги, – я заметил лодку, а в ней рыболова. Словно священнодействуя, он весь отдался своему занятию... Внезапно человек в лодке выхватил из кармана какую-то книжицу и принялся с лихорадочной поспешностью что-то записывать. Перехватив мой взгляд, отец промолвил: «Это – Игорь Северянин».

И ещё. Сижу как-то на крыльце дачи, которую мы снимали. Из проулка показался человек. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, чем-то напоминало облик индейского вождя... Не хватало лишь пера в чёрных, как смоль, волосах.

Между отцом и гостем завязалась оживлённая беседа. Затем Игорь Северянин стал читать только что сочинённое стихотворение. Звучание строк взволновало меня, словно рокот Нарвского водопада, который я всегда любил слушать.

2. Однажды, сидя в гостях у поэта в Тойла, я припомнил эпизод своего детства.

Гуляя ребенком на берегу Наровы, я увидел лодку, а в ней рыболова.* Он, словно священнодействуя, весь отдался своему занятию. В лице рыболова было что-то привлекавшее мое внимание. Я указал на него отцу. Всмотревшись, он сказал: «Это Игорь Северянин».

Имя поэта мне хорошо знакомо, так как моя мать, проведшая свои девические годы в Петербурге, часто вспоминала о концертах, на которых пользовался невиданным успехом Игорь Северянин.

3. В раннем детстве мы многое ощущаем бессознательно, но подчас глубже и вернее, чем в зрелые года, переживания первоначальных дней запечатлеваются немеркнуще в памяти, оплодотворяя сердце на всю жизнь. Я не помню, сколько мне было лет, когда я с отцом, гуляя на берегу Наровы, увидел лодку, а в ней рыболова. Он, словно, священнодействуя,

весь отдался своему занятию. В лице рыболова было что-то привлекшее мое внимание. Внезапно человек в лодке резким движением, столь не гармонизировавшим с видимым состоянием покоя и неподвижности, в которое он, казалось, был погружен, выхватил из кармана какую-то книгу и принялся в нее с лихорадочной поспешностью что-то записывать. Обратив внимание на то, как пристально я смотрю на реку» отец, бросив взгляд на лодку, сказал: «Это – Игорь Северянин».

Хотя в те дни я был еще очень мал, тем не менее, имя это было мне знакомо. Я знал: Северянин – знаменитый поэт. Моя мать, проведшая свои девические годы в Петербурге, не раз упоминала при мне в разговоре с друзьями о том, каким успехом пользовались выступления И.Северянина. У нас в доме нередко собирались люди искусства, вечерами читались стихи, в том числе и новые произведения Северянина. Конечно, я не мог понимать тогда истинного смысла ведущихся разговоров, не мог и проникнуть в содержание стихотворений Северянина, но меня полусознательно волновала мысль: как возникает стих... Мне казалось, что человек, обладающий способностью слагать слова так, чтобы они звучали словно песня – владеет какой-то тайной. Все это влекло меня к себе еще от того, что мне и самому, как это бывает с детьми, хотелось говорить в рифму. Моей влюбленной игрой было вести рифмованные монологи,

4. И ещё. Сажу как-то на крыльце дачи, которую мы снимали. Из проулка показался человек. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, чем-то напоминало облик индейского вождя... Не хватало лишь пера в чёрных, как смоль, волосах.*

Между отцом и гостем завязалась оживлённая беседа. Затем Игорь Северянин стал читать только что сочинённое стихотворение. Звучание строк взволновало меня, словно рокот Нарвского водопада, который я всегда любил слушать.

5.Через несколько дней после прогулки на берегу реки, когда я сидел в палисаднике перед дачей, вдали показался человек с лицом цыганского типа, он поздоровался с отцом и обменялся с ним несколькими словами. Это был Игорь Северянин.

И вот по прошествии многих лет я рассказал поэту о своей первой встрече с ним, поведал о тех впечатлениях, которые глубоко запали в душу. Было это у моря, недалеко от

Нарвы, там, где на много километров расстилается золотистый песок, соседствуя с заливом несёт свои воды своенравная Нарова.

6. Через несколько дней после прогулки у реки, когда я сидел на крыльце, вдали показался высокий человек с лицом цыганского типа, изрезанным множеством морщинок. Да, ведь это поэт, – подумал я и затрепетал от предчувствия чего-то необычайного. Между моим отцом и Северяниным завязался разговор. Я же не мог оторваться от лица поэта и буквально смотрел ему в рот, когда Игорь Васильевич стал читать только что написанное им стихотворение. Нет, я не пытался понять смысла слов, меня волновала звучность строк, низвергавшихся точно воды Нарвского водопада, к грохоту которых я в те годы так любил прислушиваться. В ушах моих и сейчас, хотя с того времени прошло столько десятилетий, звучит напевный голос Игоря Северянина. Думаю, в это солнечное утро, я впервые так сильно ощутил близость слова и музыки. Было это у моря, недалеко от Нарвы, там, где на много километров расстилается золотистый песок, где, соседствуя с заливом, несет свои воды своенравная Нарова.

7. В Тарту нередко приезжал в тридцатые и сороковые годы Игорь Северянин. Этот город был по душе поэту, любившему творческую молодежь и студенчество.

Кроме того, в Тарту находилось издательство «Одамеес», напечатавшее несколько сборников стихотворений Северянина.

В детстве, юности и в дальнейшем как поэту и переводчику (в середине тридцатых годов я опубликовал несколько книг стихов и сборники переводных стихотворений из творчества выдающихся эстонских поэтов*) мне не раз приходилось встречаться с Игорем Северяниным. Помню его высказывание: «Как трудно переводить по подстрочникам, нередко попадаешь впросак. Жаль, что я уже не могу, не то я обязательно изучил бы эстонский язык. В этом отношении завидую вам».

8. Необходимо сказать хотя бы два слова об актрисе, сыгравшей известную роль в жизни Игоря Северянина, читавшей с большим успехом его стихи, встречавшейся с поэтом в Петербурге, Берлине и Прибалтике. Это – Ольга Гзовская*.

Выступления актрисы и ее мужа – красавца, короля немого кино Владимира Георгиевича Гайдарова* – сопровождались овациями, и Игорь Северянин преподнес Ольге Владимировне «подарок по средствам» – сонет:

Ея раздолный голос так стихиен,
Крылат, правдив и солнечно-звонящ,
Он убедителен, он *настоящ*,
Насыщен Русью весь – он *ороссиен*.
При голосе таком глаза какие, –
Нежней лазори и прохладней чаш...

9. Необходимо сказать хотя бы два слова об актрисе, сыгравшей известную роль в жизни Игоря Северянина, читавшей с большим успехом его стихи, встречавшейся с поэтом в Петербурге, Берлине и Прибалтике. Это – Ольга Гзовская.

Выступления актрисы и ее мужа – красавца, короля немого кино Владимира Георгиевича Гайдарова – сопровождались овациями, и Игорь Северянин преподнес Ольге Владимировне «подарок по средствам» –

сонет.

После спектакля (шла «Хозяйка гостиницы») за ужином в нашем доме Игорь Васильевич огласил (или, как говорить на жаргоне сегодняшнего дня, «зачитал») и подарил замечательной актрисе сонет:

Ея раздолный голос так стихиен,
Крылат, правдив и солнечно-звонящ,
Он убедителен, он *настоящ*,
Насыщен Русью весь – он *ороссиен*.
При голосе таком глаза какие, –
Нежней лазори и прохладней чаш...

10. Рос я и учился в Тарту. Уже в отрочестве грешил стихами, это сблизило меня, несмотря на большую разницу лет, с Б.В.Правдиным*, читавшим курс русского языка в Тартуском

университете. Борис Васильевич был большим знатоком поэзии и сам писал стихи. Правдин был преданным другом Игоря Северянина. У Бориса Васильевича часто собиралась творческая молодежь. Любопытно, что квартира Правдина помещалась в старом университетском доме, в котором по преданию жил некогда Василий Андреевич Жуковский. Это придавало дому и саду некоторый налет романтизма. В те годы я увлекался иранской поэзией*, и вот ко дню моего шестнадцатилетия Игорь Северянин поздравил меня таким посвящением:

Жрец любимый Аполлона,
Маг с возвышенным челом.
Здесь слагал во время оно
Элегический псалом.

Но прошла пора Светланы,
Кринолинов и плащей,
Поразвеялись туманы,
Оссиановых ночей.

И теперь пиита юный,
Приоткрыв все тот же кран,
Цедит густо, многоструйно
Стих веселый про Иран.

Гости Правдина, гуляя по тенистому саду, где когда-то сочинял стихи Жуковский, любили беседовать, читать и спорить. В Тарту было тогда модно играть в буриме, подбирая строки по заранее данным рифмам. Игра эта весьма полезна для людей, работающих над словом. Всех нас поражала та легкость, с которой нанизывал на рифмы строку за строкой Игорь Северянин. Казалось, для поэта нет преград. В те дни в Эстонии были также в ходу альбомы. На их страницах рассеяно множество экспромтов Северянина.

11. Русские литераторы Эстонии обычно собирались у Правдина, обладавшего способностью объединять и сплачивать самых различных по своим убеждениям и дарованиям поэтов. Доцент, а впоследствии профессор Тартуского университета Б.В.Правдин – лингвист, эрудит, поэт – пользовался всеобщей любовью и уважением.

Его могилу в Тарту, близ Святодухвинского храма, и по сей день посещают его ученики и почитатели.

Борис Правдин жил в старинном, некогда принадлежавшем Дерптскому университету доме, местоположение которого описал Игорь Северянин в стихотворении «Барельеф».

По преданию, в этом доме останавливался великий Жуковский. Здесь он по рукописи читал Языкову, Пирогову, Далю еще неведомого России «Бориса Годунова».

«Дом Жуковского», как называли его старожилы, вдохновил Игоря Северянина на стихи. Одно из них обращено ко мне, самому юному из поэтов – гостей Правдина. Насколько мне известно, оно никогда не печаталось при жизни автора. Позволю себе привести его полностью с кратким пояснением.

Первые две строфы – о Жуковском, последняя – обо мне, увлекавшемся в те дни литературой Ирана.

Ю. Д. Шумакову

Жрец любимый Аполлона,
Маг с возвышенным челом.
Здесь слагал во время оно
Элегический псалом.

Но прошла пора Светланы,
Кринолинов и плащей,
Поразвеялись туманы,
Оссиановых ночей.

И теперь пиита юный,
Приоткрыв все тот же кран,
Цедит густо, полноструйно
Стих веселый про Иран.

12. Приезжая в Тарту, поэт обычно останавливался у Правдина.*

Есть в Юрьеве, на Яковлевской, горка
Которая, когда я встану вниз
И вверх взгляну, при том не очень зорко,
Слегка напоминает мне Тифлис...

Так в стихотворении «Барельеф» описал местоположение тогдашней квартиры Правдина Игорь Северянин.

Здесь, в течение долгих лет поэт, навещая Тарту, неизменно читал свои новые произведения, здесь давал в интимном кругу «поззовечера».

Бродя по саду возле дома, по примыкавшему к нему Тихвинскому парку, гости Правдина нередко сочиняли сообща стихи, так называемые «коллективы». Это были преимущественно эпиграммы на местных деятелей, послания друзьям и знакомым.

«Коллектива», как форма совместного творчества, привлекала Северянина. Некоторые строки, возникшие импровизационно, иногда использовались поэтом в новых стихотворениях. Так любопытно было встречать их в выходивших впоследствии сборниках Северянина.

Примечательно, что квартира Правдина находилась в старинном доме, принадлежавшем университету, где, по преданию, жил некогда В.А.Жуковский. Однажды, в день моего рождения, я в то время увлекался иранской поэзией, Игорь Северянин и Борис Правдин приветствовали меня такой «коллективой»:

Жрец любимый Аполлона,
Маг с возвышенным челом.
Здесь слагал во время оно
Элегический псалом.

Но прошла пора Светланы,
Кринолинов и плащей,
Поразвеялись туманы,
Оссиановых ночей.

И теперь пиита юный,
Приоткрыв все тот же кран,
Цедит густо, многоструйно
Стих веселый про Иран.

У Правдина любили играть в буриме, подбирая строки по заранее данным рифмам. Некоторые из таких стихов весьма курьёзны. Буриме – игра, бесполезная для развития поэтического мастерства, – была тогда в моде в Тарту. Нельзя было не поражаться той лёгкости, с которой нанизывал на рифмы строку за строкой Игорь Северянин.

Немало стихотворений поэта рассеяно на страницах альбомов, бывших также тогда в ходу в Эстонии.

Мне вспоминается заветный альбом Правдина, в котором были десятки посвящений Северянина.*

У Правдина экспромтом устраивались и «тематические» вечера. На них мы с интересом слушали стихи Северянина. Особенно оживлённым был вечер, на котором Северянин читал стихи об эстонской природе и о связях деятелей русской культуры с Эстонией.*

13. Мне хочется рассказать о поэте на чужбине. Рассказать об Игоре Северянине неизвестном советским стихолобам, не об авторе эгофутуристических стихов «Я гений Игорь Северянин», не о том декаденте, который написал «Это было у моря»... или «Марионетку проказ»..., а о человеке, который сказал о себе в 1929 году:

Я подхожу к окну: в опустошённы
Деревья, море, небо и поля.
Опустошённым кажется движенье
И проплывающего корабля.
Всё пустота. Такое положенье
Дано тебе, осенняя земля.

Я подхожу к душе своей – и тоже
Там пусто всё: желанья и мечты!
Как это всё на юность не похоже.
И сам себя признать боишься ты.
Смыкаются уста и брови строже
В предчувствии смертельной пустоты.

Такого Игоря Северянина я знал на протяжении многих лет и о нём пойдёт речь ниже.

14. В начале тридцатых годов Игорь Северянин сохранил облик, хорошо знакомый по описанию многих мемуаристов, повествующих о русских писателях в период первой мировой войны.

Северянин был высок ростом, широк в плечах. Фигура его не отмечалась слаженностью, движения его свидетельствовали о наличии большой физической силы. Лицо поэта имело несколько вытянутую форму, в нём было что-то лошадиное. Глаза Северянина, небольшие, не отличались выразительностью. На губах его подчас блуждала несколько высокомерная усмешка. Порой думалось – это не человек, а комок нервов, собранный, готовый для отпора, чувствовалось, Игорь Васильевич словно ждёт: вот-вот на него набросятся со всех сторон враги.

Всё это так, но... вместе с тем Игорь Северянин, особенно когда он читал стихи и говорил о литературе, словно источал флюиды, совершенно гипнотически действовало обаяние поэта на женщин.

Игорь Северянин был не только замечательным декламатором, но и редкостным рассказчиком. К сожалению, только близкие Игорю Васильевичу люди знали его с этой стороны.

На мой взгляд, Игорь Северянин обладал в полной мере даром трансформатора, достигая подлинной гениальности в своих перевоплощениях.

Мне вспоминаются наши дальние прогулки вдоль окаймлённого соснами взморья. Естественно, что мне очень хотелось слышать из уст поэта рассказы о его многочисленных встречах с деятелями русской культуры. Игорь Северянин не всегда был склонен предаваться воспоминаниям. Начинал он как бы нехотя. Но затем... словно мираж, вставали лица тех, кого любил поэт. Передо мной уже не было Северянина... я видел прекрасные черты Александра Блока. Звучал голос автора «Незнакомки». На смену Блоку появлялся Фёдор Сологуб. И вот, казалось, что Северянин без волос, даже знаменитая бородавка Фёдора Кузьмича ощущалась на лице рассказчика. А вот Вячеслав Иванов читает свой «Венок сонетов», «шаманит» Кон-

стантин Бальмонт, раздаётся рык Владимира Маяковского, звучит напевный голос Сергея Есенина.

С каким восхищением говорил Северянин о Мариинском театре, о своих встречах с Фёдором Шаляпиным, Леонидом Собиновым, Дмитрием Смирновым, о Лидии Липковской.

– А хотите, я покажу вам, как мои стихи читала Ольга Гзовская?..

Вечерело. Солнце садилось прямо в залив, нарастал прибой: «Вот так рокотал рояль под пальцами Сергея Рахманинова. Вслушайтесь...» И уже я видел лицо гениального пианиста, композитора и дирижёра... Нет, это не рука Северянина, пальцы эти удлиняются, мощный взмах рук и передо мной дирижирующий Рахманинов.

Как воодушевлялся в такие вечера Северянин, открывался иной лик поэта, Игорь Васильевич жил счастливой жизнью, общался с теми, в чьё бессмертие он верил, в своём сопричастии которым поэт не сомневался.

Стиль речи, походка, внешность столь отличных друг от друга людей ярко воссоздавалась Северяниным.

Поэт неколебимо верил в свою призванность, в свою звезду.

Я не знаю, приходилось ли кому-либо другому быть свидетелем «преображений» Северянина, говорить с ним о тех, по ком он страстно тосковал.

Зато немало было таких людей в Эстонии, которые наблюдали поэта в большой компании в таллиннских и Тартуских кафе. Здесь Игорь Васильевич держался подчас неестественно, явно тщась изобразить «повсесердно утверждённого гения – Игоря Северянина».* Иногда это надоедало поэту и на его лице появлялось хмурое выражение.

У нас в доме Игорь Северянин, нередко рассказывая о своём детстве, читал замечательные стихи, умные, говорящие о том, что поэт умел видеть себя со стороны:

В ту пору я жил в новгородских дебрях.
Мне было около десяти.
Я ловил рыбу, учился гребле,
Мечтал Америку посетить.

Помнится, как однажды Игорь Северянин показывал нам полученное им в 1929 году письмо с Алтая, в котором поэту

сообщали о том, как советская молодежь слушала его стихи у костра. Каким искренним стихотворением откликнулся на эту весточку из Советской России И.Северянин:

На горах Алтая,
Под сплошной галдеж,
Собралась, болтая,
Летом молодежь.

Юношество это
Было из Москвы,
И стихи поэта
Им читали Вы.

Им, кто даже имя
Вряд ли знал моё,
Им, кто сплел с другими
Все свое житьё...

15. На моей памяти лето 1930 года.* Полпред тогдашнего Советского Союза Фёдор Фёдорович Раскольников (Ильин) навестил в эстонском поселке Тойла домик Северянина. Рассказывая мне об этом визите Игорь Васильевич посетовал: «Между прочим, мне был задан вопрос: кто я – беженец или эмигрант?» На что услышал ответ: «Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник, дачник с 1918 года...»

16. Встречные, не знавшие Игоря Северянина, смотря на его обветренное, загорелое лицо, видя его широкую, размашистую походку принимали подчас поэта за моряка.

Что касается исполнительского мастерства Северянина, то оно значительно возрастало. Он всё меньше пел свои строки, это уже не было извержением вулкана, на смену падучей звуковой стремнины, появилась художественная читка, далёкая от прежней певческой, оттенявшая внутреннюю сущность стиха.

17. Мне вспоминается одна из репетиций Игоря Северянина и Фелиссы Крут* перед их отъездом за границу в доме друга поэта – Бориса Правдина, лектора Тартуского университета, с которым, несмотря на большую разницу лет, меня связывала творческая дружба. Это был великолепный дуэт – богатый оттенками, органоподобный бас Северянина перекликался с

нежным голосом жены. Казалось, два языка – русский и эстонский сливались в единый дружеский поток. Эффект выступлений Крут за рубежом усугублялся тем, что перед слушателями эта женщина своеобразной северной красоты выступала облачённая в национальный эстонский наряд – длинную красную шерстяную юбку, тяжело ниспадавшую на пряжки башмаков, в белую вышитую блузку с рельефно выделявшейся на груди брошкой – сылыг* – с волосами, украшенными старинным чепцом – тану*.

Во время концертов Игоря Северянина и Фелиссы Михайловны Крут эстонская поэзия прозвучала впервые в оригинале и переводе со сцены европейских столиц.*

18. Перед гастрольной поездкой на Запад Игорь Северянин с женой, обычно, приезжали в наш университетский Тарту, где устраивали генеральную репетицию своих вечеров в присутствии друзей. На поэзоконцертах Игорь Северянин исполнял не только свои стихотворения, но и переводы из эстонских поэтов, после чего Ариадна Изумрудная* (такое сценическое имя изобрёл Фелиссе Крут её муж), одетая в эстонский национальный наряд, с чудесной брошкой на груди, исполняла те же произведения в оригинале.

19#. Игорь Васильевич восторженно вспоминал о встречах с В.В.Шульгиным*, которому посвятил несколько стихотворений. Так, «Портрет Даринки» и «Двадцать восемь серпантин» (сборник «Адриатика», издан в Нарве) навеяны совместным путешествием по Сербии.

Мы взбираемся на Ловчен.
Мы бежим под облака.
Будь на поворотах ловче,
Руль держащая рука!..

Впоследствии, когда я беседовал с Василием Витальевичем Шульгиным, он много говорил лестного в адрес Северянина, считал его наиболее русским поэтом, а некоторые его стихи о России – гениальными.

20. Из встреч с Игорем Северяниным у Правдина мне особенно памятна одна: Игорь Васильевич только что вернулся из заграничного турне, совершенного совместно с женой – Фе-

лиссой Михайловной Круут. Эстонка по национальности, эта женщина писала стихи по-русски и неплохо исполняла их.

Северянин рассказывал, изображая в лицах людей, с которыми ему довелось встретиться в эту поездку – от ресторанного лакея до югославской королевы Марии.*

Поездка, выступления во многих городах благотворно сказались на Северянине. Под живыми впечатлениями поэт создал новые стихи, которые читал нам:

Мы взбираемся на Ловчен.
Мы бежим под облака.
Будь на поворотах ловче,
Руль держащая рука!..

21#. Вот так, с бесчисленными рассказами о Петербурге, о выступлениях по городам России, о встречах с известными писателями, певцами, художниками, с неизменной удочкой в руках Северянин приводил спутников в Пюхтицы*. Улов по обыкновению дарил инокиням.*

22. Вот так, с бесчисленными рассказами о Петербурге, о выступлениях по городам России, о встречах с известными писателями, певцами, художниками, с неизменной удочкой в руках Северянин приводил спутников в Пюхтицы. Улов по обыкновению дарил инокиням.

Наконец-то, из-за леса показались позлащенные закатом купола собора. Навстречу медленно плыли мелодичные звуки колокола, зовущего ко всеобщей.

23#. Мы любим тихими эстонскими озерами. С удивительной нежностью поэт воспевает озеро Рэк:

Красиво это озеро лесное,
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина...

И не менее прелестны стихи о другом озере – Конзо, о рыболовении.

24. Мы любим с Игорем Васильевичем поверхность озера Рэк:

Красиво это озеро лесное,
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина...

В прибрежных зарослях Игорем Васильевичем были припрятаны старые дощаники. С их помощью мы переправлялись через гати и каналы, подтаскивая челнок волоком, перебираемся на другую сторону речушек и ручьёв.

25#. О чём только мы не беседуем с Игорем Васильевичем! Поэт рассказывает о белых ночах Петербурга, о «пьяном» подвале «Бродячая собака», куда съезжалась на ночь разношерстная богема и, где «спич за спичем и об искусстве пламенный спор, насмешки над мещанством бычьим и над крестинами топор...»*

26. О чём только мы не беседуем с Игорем Васильевичем, поэт рассказывает о белых ночах Петербурга, о пьяном подвале «Бродячая собака», куда съезжалась на ночь петербургская богема, и, где среди этого сомнительного мирка как рубин теплел Николай Иванович Кульбин*, – профессор медицины, новатор в живописи, вдохновенный оратор. В «Бродячей собаке» Кульбин «художественно почевал»...

27#. ... Итак, в соборе тишина, прохлада. Перед чудотворной иконой Пюхтицкой Божией матери – негасимые лампы, проникновенно поет хор инокинь.

В стихотворениях столько автобиографических и характерных строк, черт, присущих тому периоду жизни Северянина, свидетельство о попытках найти выход из мучивших его противоречий в «тиши обители сестер».

Близ Пюхтицкой обители, а ныне в её ограде, находится домовая церковь Сергиевская и продолговатое строение с цветными стёклами – летняя резиденция губернатора С.В.Шаховского, скончавшегося в 1894 году. Он похоронен в склепе под церковью. Рядом с князем погребена его вдова Елизавета Дмитриевна, рождённая графиня Милютина (1844–1939), старшая дочь военного министра России генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912). Эта женщина удивительной судьбы отличалась таким же долголетием, как и

Е.Д.Шаховская у могилы мужа. [Конец 30-х годов.]

её отец, товарищ Михаила Юрьевича Лермонтова по Московскому благородному пансиону. Он же был первым редактором великого русского поэта.

В свое время, бывая в Пюхтицах, мы непременно навещали её.* Северянин любил читать ей свои новые произведения*. Елизавета Дмитриевна получила блестящее образование. Фрейлина императрицы, она много путешествовала, была со своим отцом в Париже при дворе Наполеона III.

Когда началась война за освобождение славян, она отправилась на Балканы сестрой милосердия, где и встретила со своим будущим мужем, математиком, князем С. В. Шаховским. Вскоре после их бракосочетания Сергей Владимирович был назначен губернатором в Эстляндию.

С детства Елизавета Дмитриевна любила литературу. В доме отца она слушала драму «Смерть Иоанна Грозного» в исполнении автора – Алексея Константиновича Толстого. Встречалась с Писемским, Фетом. Лев Николаевич Толстой консультировался с ее отцом – выдающимся военным историком, – работая над романом «Война и мир». В доме дяди, Николая Милютина, воспетого Н. А. Некрасовым, Елизавета Дмитриевна присутствовала на чтении А. Н. Островским драмы «Гроза». Будучи нередким ее гостем, я по свежей памяти заню-

сил «показания» свидетельницы истории.* В последнее десятилетие ее долгой жизни зрение Елизаветы Дмитриевны значительно ослабло, и она просила меня читать вслух избранные страницы прозы и поэзии. Чтение перемежалось рассказами радушной хозяйки об ее отце, о деятелях культуры, с которыми она была знакома. Ее воспоминания позволяли живо представить атмосферу того времени.

Симпатии Елизаветы Дмитриевны, однако, были всецело на стороне Ф. М. Достоевского.

Не раз Елизавета Дмитриевна читала для нас стихотворения Пушкина в манере Достоевского: проникновенно, с долгими паузами, напевно.

Вполне возможно, что беседы с современницей великого романиста навяли на Северянина мотив стихотворения, неразрывно связанного с его пребыванием в монастыре.

Молитва

Достоевскому.

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: Жизнь прожита большая,
Неповторяемая па земле!
Всё находимое порастерял
И вот слезами взоры орошая,
Я говорю: Жизнь прожита большая...
Проговорил – и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколькога не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственнее сигнал...
С кем из неизвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...

28. Подходим:

У башенки зубчатого кремля,
Воздвигнутой над позаросшим скатом,
Свернув с пути, через калитку мы
Вступаем в монастырь...

В соборе тишина, прохлада. Перед чудотворной иконой Пюхтицкой Божией Матери – негасимые лампадки, проникновенно поёт хор инокинь.

Минуя монастырскую трапезную, выходим за пределы обители. Аллеей парка поднимаемся на горку к удлинённому дачеобразному дому с цветными стёклами. Звоним. Открывают. Наносим визит живущей подле монастыря на покое княгине Шаховской.

В своё время, бывая в Пюхтицах, мы непременно навещали её. Северянин любил читать ей свои новые произведения*. Елизавета Дмитриевна получила блестящее образование. Фрейлина императрицы, она много путешествовала, была со своим отцом в Париже при дворе Наполеона III.

Что влекло нас сюда? Не то, что Елизавета Дмитриевна была фрейлиной императрицы, танцевала на балах в Париже у Наполеона III. И даже не то, что, бросив царский двор, она отправилась сестрой милосердия на Балканы во время войны за освобождение славян, где и встретила со своим будущим мужем – математиком и князем СВ. Шаховским. Вскоре после их бракосочетания Сергей Владимирович назначается губернатором в Эстляндию. А ценность «показаний свидетельницы истории», которые я по свежей памяти заносил в свой дневник.

Должен пояснить: с Е.Д. Шаховской я был давно знаком и в дальнейшем был нередким гостем княгини. 3 последнее десятилетие её долгой жизни (1844-1939) зрение Елизаветы Дмитриевны значительно ослабло, и она просила меня читать вслух избранные страницы прозы и поэзии. Чтение перемежалось рассказами радушной хозяйки об её отце – генерал-фельдмаршале Д.А.Милютине, о деятелях русской культуры, с которыми она была близко знакома. Её воспоминания позволяли живо представить их быт и творческую жизнь.

[Далее вычеркнуто – прим. публикатора.] Симпатии Елизаветы Дмитриевны, однако, были всецело на стороне Ф.М. Достоевского. Помню, как Шаховская просила меня прочесть ее любимые сцены из «Братьев Карамазовых». Мне было неловко выполнять эту просьбу, ибо я знал, что главы гениального творения она слушала в авторском исполнении.

Бывая у Анны Корвин-Круковской, невесты Достоевского, Елизавета Дмитриевна составила себе нелестное мнение по поводу отношения этой девушки к своему жениху. Здесь она

была свидетельницей происшествия, послышавшего первоосновой для одного из эпизодов романа «Идиот».

«Вот как это было в жизни – повествовала нам Елизавета Дмитриевна. – Я, со своей матерью была в гостях у Круковских. Анна беседовала в уголке зала с очень красивым кирасиром. Опоздавший Достоевский вошел в комнату, прошел, окинув взглядом большую округлую вазу, стоявшую на полу. Невеста писателя продолжала непринужденно беседовать с молодцеватым офицером. Фёдор Михайлович неловко поклонился, подошёл к Анне, но та не удостоила его даже взглядом. Достоевский «стушевался», а затем принялся горячо обсуждать какой-то вопрос, что-то доказывать, взволновался и с ним, под конец, приключился приступ эпилепсии».

– Простите, – перебил Игорь Васильевич княгиню, – но я где-то об этом уже слышал или читал.

Елизавета Дмитриевна улыбнулась: – Вы могли читать воспоминания сестры Анны Круковской, Софьи Ковалевской. Но Соне было тогда всего лет шестнадцать, она, к тому же была равнодушна к Достоевскому.

– Мне же, вздохнув, добавила Елизавета Дмитриевна, было тогда двадцать четыре года.

Елизавета Дмитриевна присутствовала среди почётных гостей в Москве; на освящении памятника Пушкину. Она слушала речи Тургенева и Достоевского.

– А хотите, – предложила вдруг Шаховская, – я прочту Вам стихи Пушкина так, как их исполнял Достоевский. Из уст Шаховской мы внимали пушкинского «Пророка» в интонациях Фёдора Михайловича Меня поразило единство стиха и голоса, скрытое дыхание вдохновения, долгая пауза, а затем гениальный финал: «...Глаголом жги сердца людей». Из уст Елизаветы Дмитриевны звучал будто бы оживший голос Достоевского.

В передаче Елизаветы Дмитриевны меня поразило единство стиха и голоса, скрытое дыхание вдохновения, долгая пауза, а затем гениальный финал: «...Глаголом жги сердца людей».

Мне казалось: оживший голос Достоевского звучит в моих ушах.

Затем пребывание в гостях у Е.Д.Шаховской...

Визиты к Е.Д.Шаховской (а Игорь Северянин навещал её каждый раз, каждый раз, когда бывал в монастыре),

пришло мне на ум недавно, когда я перелистывал изданный в 1988 году в Москве сборник стихотворений Игоря Северянина, и увидел посвященное Достоевскому стихотворению, знакомое по лучшей зарубежной книге поэта «Классические розы», вышедшей в 1931 году в Белграде.

Не раз Елизавета Дмитриевна читала для нас стихотворения Пушкина в манере Достоевского.

Вполне возможно, что беседы с современницей великого романиста навеяли на Северянина мотив стихотворения, неразрывно связанного с пребыванием в монастыре.

29#. Темы для разговоров в ходе совместных походов были разными. Однажды, когда мы приближались к Пюхтицкому монастырю, Игорь Северянин поведал, что именно в этих краях у него возник замысел «Солнечного дикаря». Это было в 1923 году.

В утопической поэме автор как будто предугадывает изобретение атомной бомбы и его неисчислимы пагубные последствия. В ней Северянин чуть ли не предрекает одну из подоснов Нюрнбергского процесса.

...Правительство, посмевшее войну
Другому объявить, достойно казни,
И граждане, слиянные в волну,
Могли б его не слушать без боязни,
Немедленно его арестовав,
Как явно сумасшедшее правление...

Игорь Северянин написал эту поэму, не печатавшуюся при его жизни, на излюбленном им озере Ульясте. Публикатор «Солнечного дикаря» В.Т.Адамс*, поместив в пятидесятые годы эту поэму в «Записках Тартуского университета», оснастил «Дикаря» любопытнейшими комментариями.

Объективный ход истории неумолим и обязывает не скрывать – многие художники слова были далеко не чужды веры отцов...

30. Переночевав с Игорем Васильевичем в монастырской гостинице, мы на следующее утро тронулись восвояси.

На обратной дороге в Тойла Игорь Северянин поведал, что именно в этих краях у него возник замысел «Солнечный дикарь» (это было в 1923 году). В этом произведении автор

как бы предугадал не только появление атомной бомбы, но и Нюрнбергский процесс.

31#. Сделаю маленькое отступление. Северянин рассказывал, что об этой, что об этой лесной обители ему поведал Федор Сологуб и его жена, переводчица Анастасия Чеботаревская.

Столетия четыре тому назад эстонские пастухи обнаружили на вершине жертвенного дуба икону. Никто не знал, как и откуда она попала на это могучее дерево. Вскоре сюда стали стекаться паломники, в том числе и из России. В те времена окрестные поля и леса принадлежали остзейским баронам, которым было не по нутру участие коренных жителей края в молебствиях, совершаемых православными пастырями. Недолго думая бароны принялись травить богомольцев, напуская на них свирепых псов. Гонения не прекращались десятилетиями, пока в конце прошлого века губернатор С. В. Шаховской, узнав о бесчинствах, не пришел к мысли купить Журавлиную гору у помещиков и тем способствовать образованию монастыря.

В 1988 году об этой тихой обители был помещен очерк в «Огоньке». Если б автор статьи имел представление о том, что здесь бывал часто Игорь Северянин, что им написано немало строк о Куремяэ (Журавлиная гора), стихотворения «На колокола», «Черные и белые», «На монастырском закате», то очерк был бы гораздо полнее и интереснее.

32. Однажды, гостя у нас в Тарту, Игорь Васильевич рассказал о том, как он впервые побывал в Пюхтицком монастыре.

– Об этой лесной обители мне говорил Фёдор Сологуб и его жена переводчица Анастасия Николаевна Чеботаревская.

Навещая из Петербурга своего мэтра в Тойла молодой поэт услышал из уст Фёдора Кузьмича повесть во возникновении Пюхтицкого монастыря:

– Столетья четыре-пять тому назад, – так начал свой рассказ Сологуб, – эстонские пастухи обнаружили на вершине жертвенного дуба икону. Никто не знал, как и откуда она попала на это могучее дерево. Вскоре сюда стали стекаться паломники, в том числе и из России. В те времена окрестные поля и леса принадлежали остзейским баронам, которым было не по нутру

участие коренных жителей края в молебствиях, совершаемых православными. Недолго думая помещики принялись всячески травить священников и богомольцев, напуская на них свирепых псов. Эти науськивания и гонения длились десятилетиями, до тех пор, пока губернатор Эстляндии С.В.Шаховской, узнав о бесчинствах немецких землевладельцев, пришёл к мысли купить Журавлиную гору у помещиков и тем способствовать возникновению монастыря.

– Услышав от Фёдора Сологуба историю Пюхтиц, – закончил свой рассказ поэт, – я однажды в начале второго десятилетия нашего века направился в обитель.

В последующие годы Игорь Северянин, очарованный живописной крутизной берегов Тойла, стал проводить лето в этом рыбацком селении, откуда было рукой подать до монастыря.* С тех пор поэт стал часто совершать паломничества к обители.

33#. Однако, прежде чем войти в обитель, мы сворачиваем с дороги к монастырскому источнику. Осенив себя широкого размаха крестным знаменем, Северянин входил в обжигающую стужу родника. Неожиданное ощущение дарило это купание, после которого буквально токами по телу расходилась знойная теплота.

Об этом мне вспомнилось недавно. Как-то, под Успенье я встретился в обители с девушкой, увлеченной творчеством Марины Цветаевой. Она с воодушевлением рассказывала, что, сопровождая сестру поэтессы Анастасию Цветаеву в монастырь, видела, как эта отважная девятидесятилетняя женщина бестрепетно вступила в льдистую хладь родника.

... Итак, в соборе тишина, прохлада. Перед чудотворной иконой Пюхтицкой Божией матери – негасимые лампы, проникновенно поет хор инокинь.

В стихотворениях столько автобиографических и характерных строк, черт, присущих тому периоду жизни Северянина, свидетельство о попытках найти выход из мучивших его противоречий в «тиши обители сестер».

34. Посещая совместно со мной Пюхтицы, Игорь Северянин прежде чем войти в монастырь, сворачивал с дороги к источнику. Осенив себя широкого размаха крестным знаменем, поэт вступал в обжигающую стужу родника. Неожиданное

ощущение дарило это купание, после которого буквально токами по телу расходилась знойная теплынь.

Об этом мне вспомнилось недавно. Как-то, под Успенье я встретился в обители с девушкой, увлеченной творчеством Марины Цветаевой. Она с воодушевлением рассказывала, что, сопровождая сестру поэтессы Анастасию Цветаеву в монастырь, видела, как эта отважная девятидесятилетняя женщина бестрепетно вступила в льдистую хладь источника.

Чтущий Пюхтицкий монастырь Игорь Северянин думал о нём и вдали от обители.

Помнится, как-то я приехал из университетского Тарту в столицу. Это после [вычеркнуто] уже был объявлен поэзоконцерт Игоря Северянина.* Накануне мы обедали с поэтом, и он предложил мне встретить на Балтийском вокзале Таллинна прибывавшую вечером из Куремяэ чудотворную икону. К поезду пришло немало русских людей эстонской столицы «сретаь Владычицу».* [Неразборчиво.] подняли высоко икону и вслед за таллинцами, мы с Игорем Васильевичем, согласно традиции, приложима к образу и скользящими под ней [так в рукописи]. Эстонцы, бывшие на вокзале, с долей изумления наблюдали за непонятным для них ритуалом.

Для меня посещение Пюхтиц совместно с поэтом было неизменно праздничным, особенно от того, что по пути Игорь Северянин делился со мной воспоминаниями о своих встречах с замечательными деятелями русской культуры.

35. Меня очень заинтересовал рассказ Северянина о его отношении к А.Блоку в ту пору. Один из поклонников таланта Игоря Северянина переслал поэту с оказией из Петрограда в буржуазную Эстонию «Двенадцать» Блока. Поэма взволновала Северянина. Вскоре до Игоря Васильевича стали доходить вести о том, что не только писатели зарубежья, но даже кое-кто из литераторов на родине обливают А.А.Блока ушатами помоев за то, что он дерзнул воспеть революцию. Северянин, с присущей ему стремительностью, откликнулся на это негодующей отповедью:

Ату, терзайте стаей гения!..
Пигмеи, ваш удел таковский...
И злобно, в подлости бескрайней,
Неистовствует Мережковский.
Кликушествует, квохча, Крайний.*

Стихотворение «Клеветникам Блока» я слышал в исполнении автора на его концерте, читал Северянин его и в домашнем кругу. Однако я никогда не видел в печати этой эпиграммы. К сожалению, в моей памяти уцелели лишь начальные строки стихотворения.

Эпиграмму эту знали в Париже, и она сделала своё дело. Иван Алексеевич Бунин, с которым я встречался в тридцатые годы в Тарту, упомянув о стихотворении Северянина «Клеветникам Блока», рассказывал со свойственной ему иронией, о том, как негодовали Мережковский и Гиппиус, назвавшие, брызжа слюной, Игоря Северянина «мальчишкой, зарвавшимся эгофутуристом, выращившим на своей груди этого гадину Маяковского»...

36. Лютая ненависть Зинаиды Гиппиус к Северянину, писавшей под псевдонимом «Антон Крайний», сыграла свою роль в эмиграции. Как некогда в гостиниой Мережковского и Гиппиус в Петербурге, Северянина поносили в связанных с ними русских парижских кругах. <...>

В начале тридцатых годов при встрече с З.Гиппиус и Д.Мережковским в Париже Игорь Северянин довёл их до бешенства словами: «Россия не с вами, Россия не нуждается в вас...» Помню, с каким комизмом описывал Северянин испуг престарелой четы...

Честная, творческая натура, Северянин не шёл по тому пути, по которому его стремились направить вожаки антисоветской эмиграции. Поэт не проявлял особого «энтузиазма», когда его пытались вовлечь в тенета антисоветчики. Эмигрантские круги ненавидели Северянина за то, что он не принадлежал ни к одной из бесчисленных группировок. Поэт был «сам по себе».

Игоря Северянина угнетало чувство вины перед покинутой им родиной, поэт страшился: ему не простят его прегрешений, он не сомневался: рано или поздно – всем русским зарубежья придётся дать отчет перед новой Россией.*

37. А как яростно поносили Игоря Северянина за рубежом приверженцы Керенского, этого «милосердного вождя» (как окрестил его поэт, намекая на костюм сестры милосердия, в котором Керенский бежал из России).

Приспешники Керенского захлёбывались от ненависти, читая стихи Северянина «Самарский адвокат»:

...Он поднимался, как опара,
А лопнул мыльным пузырьём.

Особенно же сильно действовала на слушателей эпитаграмма «Александр IV», написанная также в начале 1918 года:

Что думал «Александр Четвёртый»,
Приехав в Гатчинский дворец,
Обозревая пол протёртый
Людьми без мозга и сердец?

Аллеей векового сада
Бродя, он понял ли афронт,
Что шёл к нему из Петрограда?
Ужель надеялся на фронт?..

Стихи эти были хорошо памяты всем. Мне рассказывали, что во время одного из выступлений Керенского за рубежом, присутствующие, скандируя, «приветствовали» ими «Александра Четвёртого»....

Но, что ни говори... у А.Ф.Керенского были влиятельные сторонники в эмиграции, и они немало навредили Игорю Северянину.

Небезынтересны раздумья Северянина о политических деятелях Советской России. О многих из них он отзывался весьма нелестно, считая их «редисками»: сверху красные, а внутри белые...

38. Когда Игорь Северянин бывал в ударе, так любопытно было следить за его рассказами о городах, в которых ему приходилось быть, об анекдотических случаях его исполнительской практики.

С неподдельным восторгом говорил Северянин о Есенине.* Он знал наизусть Анну Снегину» и многие его стихотворения, особенно позднейших лет.

«Недаром, – утверждал Игорь Северянин, – имя у него Есенин. Есенин – весенний гений – так хорошо рифмуется. В нём есть действительно, что-то гениально-весеннее. Сергей –

гордость русского народа. Его стих – живой родник. Нет у Есенина притянутых за волосы строк! И всё как искренне! Искренность чувствуется у него во всём, даже в ритмах, таких сердечных и простых. Кажется, в них пульсирует сама жизнь, сама русская стихия. Да... его стихи рождены русской стихией».

Смерть Есенина просто потрясла Игоря Северянина.

Помню, Игорь Васильевич читал мне стихи «Насмерть Есенина», они начинались строкой:

«Как свежий ветер дорог ты России...»*

39. Видел я и сердечные строки Сергея Васильевича Рахманинова, обращенные к Северянину. Композитор, как известно, написал на стихи Северянина романс.

Побывав в древнем Псково-Печёрском монастыре, Игорь Северянин послал Сергею Васильевичу Рахманинову, посвященное композитору стихотворение*:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада – в любви....

Благодаря за письмо и стихотворение, Сергей Рахманинов писал автору, что хотел бы положить это посвящение на музыку. Между прочим, я видел не только письма Рахманинова, обращенные к Северянину. Понимая, что поэту вдали от своего народа нелегко, композитор посылал Северянину и денежные переводы.

40. Эстония, Тойла, Северянину... Сколько писем получал по этому адресу поэт! Переписывался он не только с писателями, но и со многими композиторами и художниками. Северянин очень дорожил письмами С.В.Рахманинова. Северянин показывал мне дружеские письма Сергея Васильевича из Франции и США, проходило же видеть и бланки с денежными переводами, их отправителем был великий композитор, понимавший плачевное положение поэта на чужбине.

Однажды, выступая в Печёрах, Игорь Северянин побывал в древнем Псково-Печёрском монастыре. Поэт направил отсюда Сергею Васильевичу Рахманинову посвященное композитору стихотворение:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада – в любви....

41. Игорь Васильевич с любовью останавливался на встречах с А.Н.Толстым в Петербурге и Берлине. Толстой был дружески расположен к Игорю Северянину.

Как зеницу ока, берёт Игорь Северянин письма Алексея Толстого. Одно из них (посланное, очевидно, вскоре после возвращения Алексея Николаевича на родину) я переписал в свой дневник*:

«Ты, Игорь, поэт божьей милостью... Богата и многогранна наша литература. Но в хоре русских поэтов твой голос неповторим. Тебя исковеркала подлая российская действительность. Тебе мешало многое, в том числе и недостаточность образования, но в строках Твоих нет-нет, да и свернёт самоцветный камень. Ты талант самобытный. Не верь парижским брехунам: Ты не забыт. Твоё место в Москве...»

42. В течение последних лет Игорь Северянин пристально следил за советской литературой. Помнится, ему нравились стихи Николая Заболоцкого и Всеволода Рождественского, которые я в те годы переводил на эстонский язык.

«С Всеволодом Рождественским мне приходилось встречаться много лет назад, – вспоминал Северянин, – как он живописует Северную Пальмиру и её окрестности. Какая образность стиха...»

Было это небо как морская карта –
Жёлтый шёл сегодня, пепельный вчера.
В старом Петербурге на исходе марта
Только и бывали эти вечера...

Память Игоря Северянина хранила несколько стихотворений ленинградского поэта. Северянин очень досадовал, что в те годы так трудно было доставать стихи советских лириков.* Перед самой войной Игорь Северянин увидел у меня на столе томик стихов Вадима Шефнера. Он вначале бросил рассеянный взгляд на заглавие «Светлый берег», а потом уж не мог оторваться: «Вот парижане говорят, что лирика в России выдохлась. послушайте...» И Северянин прочёл мне стихотворение «После дождя»:

И радуга из-за болота
На дальний опиралась лес,
Как триумфальные ворота
Для нас открывшихся небес.

43. С каким интересом слушал Игорь Северянин мои рассказы о том, как в середине тридцатых годов, я, гостя у Иоганнеса Вареса-Барбаруса в Пярну, побывал с поэтом на банкете, на котором присутствовали Всеволод Иванов и Николай Тихонов...*

«Вы виделись с Тихоновым, как мне по душе его мужественная музыка...» – и Северянин просил меня, не упуская ничего, поведать ему о моём присутствии совместно с советскими писателями, о пребывании в Вильянди и Тарту, о встрече Николая Тихонова с эстонскими собратьями по перу.

Я не скрыл от Северянина, что и Всеволод Иванов в ходе разговора задал мне вопрос: «А не знаете ли вы наизусть стихи Северянина?» – «Неужели, неужели меня не забыли на родине?» – и поэт прослезился. Игоря Северянина угнетало сознание того, что он, русский поэт, стал чуждым своему народу.

«Неужели же никогда, слышите, *никогда* – какое безнадёжное слово – ни одна моя строка не увидит свет в Ленинграде, в моём городе».

44. Говоря о своих первых литературных шагах, Северянин признавался мне: «В юности я нередко озорничал в стихах, небрежничал с языком».

45. Из стихов, слышанных мною в исполнении Игоря Северянина, мне особенно запали в душу такие автобиографические строки:

Сам от себя – в былые дни позёра,
Любившего услад дешёвых хмель –
Я ухожу раз в месяц на озёра,
Туда, туда – «за тридевять земель»...

46. Летом дачный посёлок Тойла оживал. Здесь проводили свой отдых видные эстонские писатели и художники. <...> Конечно же, частыми гостями Северяниных были их шаферы – Б.В.Правдин Аугуст Алле. Бывал в Тойла В.Адамс и автор этого эссе.

47. С Игорем Северяниным я встречался не только у Правдина. Он нередко бывал у нас в доме. Немало вечеров провели мы с поэтом в Нарве и Таллинне, куда я в дальнейшем переехал. Навещал я Северянина и в его излюбленной глуши – приморском селении Тойла, где поэт провёл столько лет. Страстный рыболлов, Игорь Васильевич очень любил угощать знакомых рыбой своего улова. Делала он это с истинно русским радушием.

48#. В середине тридцатых годов в Прибалтике, в качестве пианиста, концертировал Сергей Прокофьев, знакомый с моей матушкой, Любовью Тимофеевной, по Петербургу.* После концерта композитор у нас ужинал. Разговор зашел о Северяnine, об его «позэоконцертах» в старой России. «Среди слушателей Северянина было всегда много музыкантов, композиторов, певцов», – сказал Прокофьев. Он добавил, что слушал Северянина и в залах Парижа и Берлина. Сергей Сергеевич прочел наизусть несколько стихотворений Игоря Северянина. По мнению Прокофьева, у Северянина имелись зачатки композиторского дарования, в его стихотворениях, как выразился Сергей Сергеевич, присутствует контрапункт.

В преддверии столетия со дня смерти А. С. Пушкина не только в Советской России, но и за рубежом, в том числе и в Эстонии, широко отмечалась эта дата. <...>

49. В середине тридцатых годов в Прибалтике, в качестве пианиста, концертировал Сергей Прокофьев, знакомый с моей матушкой, Любовью Тимофеевной, по Петербургу. После концерта композитор у нас ужинал. Разговор зашел о Северяnine, об его «позэоконцертах» в старой России. «Среди слушателей Северянина было всегда много музыкантов, композиторов, певцов», – сказал Прокофьев. Он добавил, что слушал Северянина и в залах Парижа и Берлина. Сергей Сергеевич прочел наизусть несколько стихотворений Игоря Северянина. По мнению Прокофьева, у Северянина имелись зачатки композиторского дарования, в его стихотворениях, как выразился Сергей Сергеевич, присутствует контрапункт.

Встав из-за стола, Прокофьев достал с моей заветной полки сборник стихотворений Игоря Северянина с автографом и уже Сергей Сергеевич долго не выпускал книгу из рук. Он

стал анализировать стихотворение «У окна» с точки зрения композиции и фуги.

– Смотрите, – сказал композитор, – в первом куплете: «В моё окно глядит луна». Во втором – новый вариант: «Луна глядит в моё окно». А вот третья строфа того же стихотворения: «В моё окно луна глядит. И, наконец, «Луна глядит в окно моё».

– Такой разработке, я уже не говорю о «Квадрате квадратов», может позавидовать любой учёный музыкант, – заключил разговор о своеобразии музыкально-поэтического дарования Игоря Северянина Сергей Прокофьев.

50. «Среди слушателей Игоря Васильевича было всегда немало музыкантов, композиторов, певцов», – вспоминал при встрече со мной в Тарту в тридцатые годы, во время выступлений с концертами в Эстонии, С.С.Прокофьев.* Композитор навестил мою семью. Сидя за круглым столом, Прокофьев после ужина заговорил о концертах Северянина.* Сергей Сергеевич рассказал о выступлениях поэта в Петербурге, вспоминал о том, как слушал Северянина за границей, читал наизусть его стихи. По мнению Прокофьева, Игорь Северянин был наделён задатками композитора, в его стихах, как выразился Сергей Сергеевич, несомненно, присутствует «контрапункт».

Прокофьев встал из-за стола и, подойдя к этажерке, «набрёл» на сборник Северянина «Вервэна» и уже не мог оторваться от книги. Композитор прочёл «Чары Лючинь»:

Чернела, чавкая чумазой нечистью, ночь бесконечная,
И чолны чистые, как пчолы-птенчики безречных встреч
Чудили всячески...

– Да ведь это настоящая симфония «ч»! – Воскликнул композитор.

А после Прокофьев прочёл по памяти северянинскую симфонию «л»:

Лунные слёзы лёгких, льнущих ко льну сомнабул,
Ласковая лилейность лилий, влюбленных в плен
Липких зелёных листьев...

И Сергей Прокофьев стал разбирать с точки зрения «фуги» стихотворение Северянина «У окна».

– Смотрите, – сказал композитор, – вот первая строфа: «В моё окно глядит луна». Во второй строфе – новый вариант: «Луна глядит в моё окно». В третьей: «В моё окно луна глядит. И, наконец, «Луна глядит в окно моё».

– Такой разработке может позавидовать любой учёный музыкант, – заключил разговор об Игоре Северяnine С.С.Прокофьев.

Многое в творчестве Игора Северянина станет яснее, если учесть, что в молодости поэт имел неистребимое тяготение к яркому, красочному показу красивых, изящных, поэтизируемых им сторон аристократического быта. Северянину импонировала беззаботность этого образа жизни, её изящества. Но... поэту хотелось, чтобы такой удел выпадал на долю не кучки избранных «тусклых сиятельств», а всех людей вообще.

51. Автор этих строк часто встречался в Тарту с Игорем Северянинным. Наш университетский город был поэту особенно по душе. Здесь у него было немало друзей и почитателей. Мне всегда было очень интересно услышать из уст знаменитого поэта его нигде не публиковавшиеся воспоминания о встречах со многими русскими поэтами и писателями, о его выступлениях по всей России, а также в Париже, Берлине, Белграде, Бухаресте, Праге. На своих поэтических вечерах во многих городах мира Игорь Северянин, наряду с оригинальными произведениями, читал с эстрады стихи эстонских поэтов в своём переводе, причём сначала [их] исполняла на эстонском языке жена поэта Фелисса Михайловна Крут-Лотарёва, эстонка по национальности.

Особенно ярко запечатлелся в памяти моей образ Северянина на фоне весеннего Тарту. Нередко мы бродили вдвоём с поэтом по старому Тяхтверскому парку. Временами Северянин принимался читать мне свои стихи... А чтецом он был замечательным. Не забыть мне, как прекрасно читал поэт своё стихотворение «Весенний день». Это было одно из первых стихотворений Северянина, переведенных на эстонский язык. Оно было опубликовано в переводе Хенрика Виснапу в августе 1918 года в приложении к газете «Постимээс».

52. Было в Северяnine нечто от таких великих вокалистов, как Фёдор Иванович Шаляпин или Дмитрий Алексеевич Смирнов.

Богатство интонаций, переходов, восторг и нотки иронии, волнующая доверительность...

53. Было в Северянине нечто от таких великих вокалистов, как Фёдор Иванович Шаляпин или Дмитрий Алексеевич Смирнов. Форте фортиссимо поэта, его пианиссимо властвовали над залом, объединяя сердца, зовя к вершинам.

Богатство интонаций, переходов, восторг и нотки иронии, волнующая доверительность...

54. Во время наших встреч Игорь Северянин часто говорил с любовью о Волге, упоминал о том, что на этой реке родились и Керенский, и Ленин... обоих хлестким пером поэт «обласкал» премьера временного правительства. [Так в рукописи – прим. публикатора.]

55. По тем стихотворениям, которые поэт исполнял в прежних певческих тонах, чувствовалось: Игорь Северянин обладает хорошо поставленным голосом, которым он владеет в совершенстве. Однажды, гуляя с Игорем Северяниным по лесу, я услышал, как он поёт. В чаще вдруг раздалась раздольная русская песня – это было для меня неожиданно и захватывающе интересно. Да, ведь у Северянина почти оперный голос, – подумал я.*

На своих концертах Северянин удивлял виртуозностью своего исполнения. Голос его передавал все оттенки его ритмически богатого стиха, изобилующего сложными переходами, неожиданной сменой настроений, чуть «намёкнутых» (как говаривал Игорь Васильевич) черт и черточек.

56#. Однажды в середине шестидесятых годов в Таллинне в моей квартире раздался звонок... Неожиданный посетитель назвался Сергеем Федоровичем Дешкиным... автором музыки пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Ноты этой популярной песни я, конечно, видел, но без имени автора музыки (бывает, конечно, и наоборот – песни без слов...). Замечу, что Сергей Федорович провел более двух десятилетий не в пионерских лагерях... Музыкант рассказал мне: реабилитирован, член Союза композиторов. Однако в Эстонию приехал именно к пионерам. И... оттого, что «здесь похоронен мой любимый поэт Игорь Северянин».

В благодарность за тёплый приём С.Ф.Дешкин записал для меня на память основные мелодии, сочинённые Игорем Северяниным, на которые он пел, конечно, без всякого аккомпанеента, свои известные поэзы. С.Ф.Дешкин, давний поклонник Игоря Северянина, ходил на концерты поэта в 1917 и 1918 годах в Политехнический музей в Москве.

Надо сказать, однако, что в последние десятилетия своей жизни Игорь Северянин отказывается от песенной манеры исполнения своих стихов и переходит к новому стилю – выразительному, художественно полновесному чтению. Я не раз бывал на вечерах поэта и восхищался, как и многие другие слушатели, его умением передать внутреннее содержание созданных им произведений. Об этом, к сожалению, сравнительно мало известно.

57. Долго на Александро-Невском кладбище искал композитор могилу поэта, но, однако, не мог её найти и вот, узнав мой адрес в справочном столе (Дешкин читал в «Звезде» мои статьи о поэте) решился побеспокоить меня просьбой – быть проводником.

В благодарность за тёплый приём С.Ф.Дешкин (к своей фамилии он прибавил после лагерей выразительное определение Кайдан) записал для меня на память основные мелодии, сочинённые Игорем Северяниным, на которые он пел, конечно, без всякого аккомпанеента, свои известные поэзы. С.Ф.Дешкин, давний поклонник Игоря Северянина, ходил на «концерты» поэта ещё в 1917 и 1918 годах в Политехнический музей в Москве.

Сергей Дешкин скончался в 1979 году и похоронен в Великих Луках.

Я не раз бывал на вечерах поэта и восхищался, как многие другие слушатели, его умением передать внутреннее содержание созданных им произведений. Об этом, к сожалению, на родине поэта сравнительно мало известно.

58. В Тойла я не раз гостил у Северянина*.

Вспоминается ранее утро. Мы с поэтом отправились рыболовить ещё до восхода солнца на Святую реку. Её вода была в те дни чиста, как слеза младенца, и здесь водились стерлядки, хариусы, не говоря уже о лососьках. Заправский рыбак, Северянин возвращался домой с богатым уловом. И уже в полдень,

блюдя свой девиз «рыба должна быть, съедена тут же», Игорь Васильевич угощает меня собственноручно им изготовленной стерляжкой ухой.

В столовой Северянина на полке красуется волжское судно...*

Ярко запомнились уточнения хозяина дома по поводу этого сувенира: «Когда я давал поэзовечера в Праге – замечательный писатель – волжанин Евгений Николаевич Чириков – отличный резчик преподнес мне этот великолепный подарок». Не могу удержаться дабы не привести полностью стихотворный дар поэта <...>

59. И это – правда, в тяжёлые дни безденежья Игорь Васильевич знал: удочка его не выдаст.

В Тойла выловленная рыба – привар и возможность с чисто русским радушием угостить форелью, хариусом, а то и стерлядкой, которые водились в тех местах, милых сердцу гостей. В последствии, когда Северянин покинул Тойла, живя близ Нарва-Йыесуу, он вставал на заре, шёл на рыбную ловлю и вынужден был ходить по домам, продавая свой подчас скудный улов кухаркам именитых дачников.*

60. И это – правда. В тяжелые дни безденежья удочка его выручала. Выловленная рыба – это возможность с чисто русским радушием угостить форелью, хариусом, а то и стерлядкой, милых сердцу посетителей дома. Впоследствии же, когда Северянин, живя близ Нарва-Йыесуу, испытывал материальные затруднения (особенно в последние два года жизни: печатался нерегулярно, помощь со стороны ничтожна), нужда заставляла его ходить по домам богатых дачников и предлагать улов кухаркам.

61. Хотя стихи Игоря Северянина переводились на все языки мира, год от году поэту всё больше приходилось питаться «от трудов рук своих». Здесь и пригодилось увлечение Северянина рыбной ловлей. Вставая на рассвете, поэт отправлялся далеко в море. С уловом (иногда очень скудным) он обходил дома, выбирая подчас побогаче, упрасывая горничных и кухарок купить свежую рыбу для господ.

62. Выступая за рубежом, Игорь Северянин наряду со своими ранними жизнелюбивыми стихотворениями, исполнял произведения совсем иного склада, созданные им на чужбине. Всё чаще звучали в эти годы стихи, беспощадно бичевавшие буржуазную действительность, свидетельствовавшие о разочаровании поэта. Глубокое впечатление производили на слушателей строки, написанные Игорем Северяниным в 1920 году в Эстонии:

Я ничего не знаю, я ни во что не верю,
Больше не вижу в жизни светлых ея сторон,
Я подхожу сторожко к ближнему, точно к зверю,
Мне ничего не нужно. Скучно. Я утомлён.

Это стихотворение потрясло знаменитого актёра Михаила Чехова. Однажды, навестив моих родителей в Тарту, Михаил Александрович читал его с присущим ему мастерством.

Людам, которые предрасположены к «уравниловке», заушению всех эмигрантов в совокупности, нелегко «уместить и то, как верхушка белого зарубежья ненавидела Игоря Северянина. Ведь главари этой эмиграции, её столпы, узнавали себя в беспощадных, набросанных им мастерски портретах. В Северяnine видели предателя эмиграции, «большеvizана».

А Игорь Северянин не давал спуску не только эмиграции парижской, берлинской или пражской, которую он хорошо знал, но и русским эмигрантам в Эстонии, с которыми два долгих десятилетия жил бок о бок...

63. Под осень, когда дачники разъезжались из Нарва-Йыесуу, Северянин, доведенный нуждой до отчаянья, устремлялся в Таллинн. Здесь он пытался заработать продажей своих новых книг. Доходило даже до того, что Северянин расспрашивал швейцаров гостиниц: нет ли среди приезжих – знаменитостей?

Помню, как Михаил Чехов, известный актёр, рассказывал мне*: «Однажды в мой номер постучал пожилой незнакомец. Он протянул мне стопку книг со словами: купите новые стихи Игоря Северянина с автографом. С трудом узнал я в плохом одетом посетителе поэта, некогда гремевшего по всей России. Неужели, это автор "Громокипящего кубка"? – подумал я».

Северянин прочитал М.Чехову, написанное в Дубровнике стихотворение:

Та-ра-ра-ррах! Та-ра-ра-ррах!
Нас встретила гроза в горах.
Смеялся молний аметист
Под ливня звон, под ветра свист.

«Какая выразительность слова!» – вспоминал восхищенный новым стихотворением Игоря Северянина Чехов.

Подобные рассказы приходилось слышать также от актрис Марии Ведринской и Елены Полевицкой.

Обращался Северянин не только к заезжим знаменитостям. Бывали дни, когда он стучался в двери таллинских домов, пытаясь продать свои произведения обывателям.

Однако тем, кто хотел бы его поддержать, приходилось зачастую и самим солоно.

64. Вообще последние годы жизни поэта омрачены материальными лишениями, подчас он тяжело бедствовал.

Чтобы хоть как-нибудь подработать Северянину приходилось ходить из дому в дом, пытаясь продать свои книги в столице Эстонии.

Великолепная драматическая актриса Е.А.Полевицкая, гастролировавшая в Эстонии, в письме к автору этого очерка рассказывает:

«...Однажды утром раздался звонок. Открываю. Я была одета затрапезно, убирала свою комнату. Игорь Северянин протянул мне с порога книгу со словами: «Последний сборник Игоря Северянина с автографом. Всего одна крона».

Доходило даже до того, что поэт расспрашивал швейцаров респектабельных отелей: нет ли каких-либо заезжих знаменитостей?

Таким образом Игорь Северянин «нанёс визит» Михаилу Александровичу Чехову.

65. Не забыть мне одного разговора в середине тридцатых годов... Однажды вечером к нам на огонёк зашли Игорь Северянин и Богданов-Бельский.* Художник находился в пасмурном настроении: на устроенную им в Тарту выставку пришло мало посетителей. Николай Петрович, живший в Риге, любил навещать Эстонию и, особенно Печерский край, где он рисовал русских детей.

В этот вечер художник повёл речь о том, что его часто одолевает страх смерти, преследует мысль о близости кончины.

Игорь Северянин окинул представительную фигуру седовласого художника, картины которого ему нравились, полу ироническим взглядом и сказал, молодо сверкнув глазами: «А вот я, Николай Петрович, не верю в смерть. Мне кажется, я никогда не умру. Я буду жить вечно».

Много лет прошло со дня этой беседы, записанной в моём дневнике, давно не стало и поэта, и художника, но как в этом повороте разговора сказался весь Северянин, с его неизбывной убежденностью в своём бессмертии.

Прервав мрачные пророчества Богданова-Бельского, Северянин оживил нас, продолжая разговор в бодром ключе:

– Не только у Чайковского была фон Мекк, и у Северянина сейчас есть меценатка почище Надежды Филаретовны.

И поэт рассказал, что одна особа – бывшая смолянка, выразила поэту восхищение его творчеством, оговорившись тут же: «А вот Ваши "Ананасы в шампанском" решительно не приемлю».

– Что ж, быть может, она кое в чём права, – усмехнулся Игорь Васильевич.

Как-то раз Северянин зашел по пути к бывшей смолянке. Пока муж занимал Северянина беседой, сильно нуждавшаяся, как и многие русские эмигранты хозяйка сбегала в магазин, купила продававшиеся по дешёвке куриные пупки и приготовила бульон.

Чтобы отблагодарить «меценатку» Игорь Васильевич написал ей за чаем на память экспромт:

За бульон из куриных пупков,
За улыбку Ваших глаз,
Разорюсь на шампанское
И куплю большой ананас.

– Но, увы, – воскликнул поэт, – это был лишь поэтический посул, денег на покупку ни того, ни другого у меня не хватило бы.

66. [Карандашом на полях фрагмента 65 в столбик.]

Увы куриные пупки
Он положил на стул
За улыбку моих глаз
Вы посулили
Разориться на шампанское
Купить бутылку лимонада*

67. Игорь Васильевич любил рассказывать забавные истории из своей жизни. Вот один из таких курьёзов: в Эстонии у поэта была почитательница, восхвалявшая его пейзажную лирику и весьма неодобрительно относившаяся к его стихам типа «ананасы в шампанском»... Однажды в полдень, проходя мимо дома своей поклонницы, Игорь Северянин нанёс ей визит. Хозяйка оставила мужа развлекать поэта беседой. Сильно нуждавшаяся, как и многие русские эмигранты, любительница лирики поспешила в магазин. Здесь она купила по дешёвке куриные пупки и сварила из них суп. За чаем И.Северянин отблагодарил свою новоявленную «мecenатку» таким экспромтом:

За бульон из куриных пупков,
За улыбку Ваших глаз,
Разорюсь на шампанское
И куплю большой ананас.

68. О пребывании поэта в Двинске с женой мне подробно рассказывал упомянутый в письме писатель – Арсений Иванович Формаков.

69. Игорю Северянину я дарил свои сборники стихотворений «Третья встреча», «Вне», книгу «Около», том моих переводов из Густава Суйтса, вышедший в издательстве «Ноор Ээсти».

70. В Таллинне на вечере, посвященном пятидесятилетию поэта*, Игорь Северянин так победительно исполнил свои стихи, что присутствующие были охвачены неподдельным восторгом.

Но в душе поэта жила тоска... «Ах, если б этот день встретить в Ленинграде!» сказал мне с грустью Игорь Васильевич за кулисами...

Неужели же мы отмечали в Таллинне пятидесятилетие поэта?

В начале сентября 1939 года, накануне моего выезда в Советский Союз по приглашению ВОКС, ко мне зашёл Игорь Северянин. Он просил меня передать низкий поклон Ленинграду и Москве, повидаться обязательно с А.Н. Толстым...

71. Хотя произведения Игоря Северянина не выходили в СССР в течение долгих десятилетий, поэт стал вскоре получать множество писем от советской молодёжи. Студенты Ленинграда, Москвы, Киева, Тбилиси, Томска и других городов выражали свою радость по поводу того, что Северянин жив, что поэт снова со своим народом.

Игорь Северянин показывал нам эти весточки от молодёжи, лицо его было озарено счастливой улыбкой; «Да... прав, прав был Толстой, надо было мне ещё в двадцатые годы вернуться в Россию».

Многие люди старшего поколения, в том числе и собратья по перу приветствовали Игоря Северянина.

Александр Фадеев и Пётр Чагин, тогдашний директор Гослитиздата, вели с Игорем Васильевичем переговоры об издании сборника его стихотворений. Кроме того, были намечены поездки и выступления Игоря Северянина в Ленинграде и Москве.*

72. Мне хочется привести одно стихотворение Игоря Северянина, которое поэт читал мне в середине сороковых годов*:

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас.
Россия построена заново
Другими, не нами, без нас...

73. Было весьма интересно видеть Игоря Северянина и Генрика Виснапу вместе. Эстонский поэт, на лирику которого Северянин инея несомненное влияние, очень любил слушать, как читает стихи Игорь Васильевич. Совместно с обоими поэтами я совершил однажды летом плавание по реке Эмайыги от Тарту через Чудское озеро и по Нарове вплоть до Нарвы.* Чудское озеро в то время било поделено наполовину между Эстонией и Советской Россией. На палубе парохода мы любовались

бликами заката на поверхности прекрасного озера. Солнце заходило. В облике Игоря Северянина было столько трагического, когда он читал нам свои стихи:

От гордого чувства чуть странного,
Бывает так горько подчас.
Россия построена заново
Другими, не нами, без нас...

Поэт бросал скорбно взоры на синевший вдали русский берег озера. Кто знает, быть может, уже в то время рождались строки «Стихов о русских реках»:

Бывало еду и аукаю
В запроволочные края,
Бывало, подъезжаю к проволоке,
Нас разделявшей в годы те,
Угадывая в блеклом облике
Страну, подобную мечте...

74. Вспомнилось мне весеннее утро в Тарту. Игорь Васильевич перелистывает увиденный им на моём столе том «Новалиса». Поэт рассказывает:

– Года три тому назад, в июне, я перечитывал «Голубой цветок». Новалис вдохновил меня на стихотворение.

75. Зимним вечером Игорь Северянин взволнованно шагал по нашей столовой своей широкой моряцкой походкой. Поэт вспоминал: однажды близкий друг рассказал Игорю Васильевичу о том, что внезапно узнал о подлой измене женщины им боготворимой.

– Да, да, и не иначе, – Северянин несколько раз настойчиво повторял это слово.

Открытие, сделанное мужем, привело в отчаянье не только его, но и удручающе подействовало на поэта. <...>

76. Помню поэт неоднократно сетовал:

– Критика либо глумилась над моими стихами «я, гений Игорь Северянин», а многие восхищались «ананасами в шампанском» и почти не замечали моих целомудренных строк. Впрочем. Я не прав, Валерий Брюсов и особенно Чуковский не прошли равнодушно мимо стихов этого толка. <...>

77. Людям, посещавшим только в предоктябрьский период «поэзоконцерты» Игоря Северянина, трудно себе представить, во что выливались его выступления на чужбине. Лейтмотивами этих вечеров были гимнообразные стихи о России.

Игорь Северянин никогда не был революционером, тем более коммунистом, и вот именно он-то и огорошивал тех зарубежных слушателей, которые приходили, желая понежиться в бравурных мелодиях его «ажурных поэм». Любители изломов и изысков, вместо того, чтобы посмаковать «Шампанского в лилии», вместо пряных коктейлей и «мороженого из сирени» слушали, не веря собственным ушам: «Да полно, наш ли это стародавний кумир?» – недоумевали почитатели.

А в зале звоном похоронного колокола белоэмигрантской клике раздавались строки Северянина:

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Стиснув зубы, сжимая кулаки, введенные в обман «веверы» смотрели с изумлением и на то, как доходили стихи Северянина до сидевших с ними, рядом в зале простых русских людей

А тем временем поэт делился именно с этой частью своих слушателей далеко не «сюрпризными» раздумьями:

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну – мать свою.
Бывают дни: её нет ближе,
Всем существом её пою.

Не все русские люди, внимавшие Северянину, объединялись в едином порыве, когда поэт читал своё стихотворение «Моя Россия», звонкое, как песня торжествующей любви:

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!

Но проходил миг восторга, и публика снова расчленилась: если одних восхищал восставший во весь рост поэт-патриот, то других бесило его пристрастие к новой России. Ведь

среди аудитории Северянина было и немало матёрых врагов СССР. Вожаки белой эмиграции тщетно стремились «обуздать» Северянина, урезонить его, утихомирить! Там, где они могли, они чинили препоны, и стихи Северянина всё реже помещались в зарубежных органах печати. Приглушить голос поэта, а лучше уморить его с голоду – вот к чему стремились бешеные человеконенавистники новой России. Если бы Игорь Северянин склонился на их сторону, продав свой талант, ему было бы обеспечено за пределами Родины безбедное существование. Но поэт предпочитал жить «от трудов своих»: питался рыбой, которую он ловил в быстрых реках Эстонии, а, подчас, что ещё горше, он вынужден был продавать её тем же русским эмигрантам, которых он так презирал...

«Всё, что угодно, только не опозорить свое перо, – повторял не раз в моём присутствии Игорь Северянин, – я и так немало нагрешил. Пора блудному сыну вернуться домой».

78. О пребывании поэта в Двинске с женой мне подробно рассказывал упомянутый в письме писатель – Арсений Иванович Формак.

79. Игорь Васильевич преимущественно жил в рыбацком посёлке Тойла.

80. Оказывается, Северянин выверял свой перевод патристического стихотворения эстонского поэта – классика Михкеля Веске:

Ты знаешь край, что от Причудья
Идет до Балтики и от
Лесных отрогов Мунамяги
К приветливости финских вод? <...>

Вдохновенно прочитав эти отроки, Северянин поведал мне, что, уходя в природу, он пытается беседовать с автором, переводимых им стихотворений:

– Ведь эстонские поэты творили среди родной природы – она давала им звуки и краски, а переводчик должен навещать те места, где создавался подлинник. Это стихотворение Веске я переводил на берегу Чудского озера. Вот так же, только гостя в Польше, я по-настоящему проникся идеями Словацкого*.

Поэт сообщил мне, что, выступая в феврале 1928 года в Варшаве, он перевёл 6 февраля «Мое завещание»:

– Это стихотворение издавна мне нравилось. Некоторые из вариантов, сделанные мною в Тойла, были ближе к оригиналу, в точности сохраняли размер подлинника....

Далее, поэт рассказал, что первые попытки перевода казались ему чем-то вроде пересказов производили впечатление малокровных близнецов прекрасного брата. И только на родине великого польского поэта Игорь Северянин, по его словам, смог проникнуться духом подлинника.

Я намеренно говорю подробно об этом переводе, так как он представляется мне весьма удачным.

81. Пишущему эти строки приходилось нередко наблюдать Игора Северянина непосредственно за работой по переводу эстонской поэзии.* Впечатления, вынесенные мной о Северянине-переводчике, весьма сходны с теми, о которых повествует в своей работе «Игорь Северянин в Эстонии» талантливый эстонский поэт и литературовед Вальмар Адамс. Характеризуя в наши дни Игора Северянина, как переводчика, Адаме пишет:

«Северянин обладал чрезвычайным чутьем к постижению структуры стиха, чем-то вроде «абсолютного слуха» в области поэтического искусства, по своей памяти к мелодике и ритму стиха он был сродни примасу цыганского оркестра, который благодаря нескольким услышанным им тактам способен исполнить любую мелодию. Я убежден, Северянин был от природы на редкость одаренным музыкантом и мастером стиха. Помню, как он звучными стихами переводил мою поэзию, сидя у стола за кофе, не прерывая своей беседы с гостями, подобно тому, как женщины разговаривают, не прерывая вязанья. Вот вследствие этого-то, Северянин выполнил перевод 150 стихотворений, не ведая ни истории, ни основ теории перевода, словно Робинзон на своем Тойласком острове. Вот поэтому-то некоторые из его переводов даже лучше тех, что сделаны в дальнейшем специально обученными и вооруженными теорией переводчиками, которые ведь, за исключением Л.Тоома*, переводили по подстрочникам.

82. Перед моим мысленным взором отчётливо предстала уютная комната, книжные стеллажи, томики с дарствен-

ными надписями авторов. Вспомнились мне не только печатные книги, но и рукописи, наконец, мой заветный альбом... Я завёл его в ранней юности. В этот альбом, навещая меня в течение долгих лет, заносил свои стихотворения Игорь-Северянин. Отведенный творчеству поэта рукописный том хранил много записей Северянина. Стихи эти созданы за рубежом и до сих пор никогда не издавались в СССР.

83. Сидим втроем в сквере у памятника Линде, окаймленного кустами сирени.* В начале приехавший из Москвы почитатель Игоря Северянина, наговорил поэту множество комплиментов и даже прочитал наизусть знаменитое стихотворение: «Весенний день». Мол, на родине Игорь Васильевич, вас знают и помнят, вас любит советская молодежь. «Но... вот, – стал развивать свою мысль москвич – зачем вы повернулись спиной к Советской России?»

Эти слова возмутили Игоря Васильевича и он ответил: «Спиной я повернулся не к России, а к Сталину...»*

Трудно описать, что произошло с нашим собеседником из Советского Союза... Он умолк, и взгляд его стал скользить по всему скверику, казалось, ему что-то почудилось чуть ли не под скамейкой, на которой мы сидели...

А между тем Игорь Северянин прочно сел на своего конька: «Да что там Сталин... вот Ленина я оценил уже в 1918 году, да знаете ли вы, что презираемый и заушаемый в Советской России Игорь Северянин – автор первого стихотворения о Ленине?»

И тут Игорь Васильевич прочитал стихотворение «По справедливости» и стал его комментировать на свой лад. «...Многих я видел на своём веку, приятельствовал и с Маяковским, но все эти деятели и в подмётки не годятся вождю народа. Знаете, я даже возвел [так в рукописи – прим.публикатора] Ленина до себя...»

Эти слова ошеломили дипломата, и он вымолвил: это – кошунство! – Ничего подобного, возразил Северянин: вот сидим да втроем на скамейке: я, вы, Юрий Дмитриевич, а ведь втайне каждый из нас считает себя умнее другого. А я вот нахожу: Ленин чем-то похож на меня, более того, он, пожалуй, даже чем-то равен мне...» В этих словах сказалась наивная вера Северянина в свою гениальность.

84. Более двух десятилетий Северянин провёл в Эстонии, считая, что коммунизм и поэзия несовместимы.

85. Советское посольство в Эстонии помещалось в те времена на улице Пикк, 19, почти напротив Дома Братства Черноголовых. Накануне юбилея я, зайдя в посольство, пригласил видного советского дипломата В.Б.Бочкарёва на вечер поэта.

Говоря об этих днях, я показываю поклонникам поэта, думается, одну из последних фотографий, на которой запечатлён Игорь Северянин. На ней снят – слева направо – мой отец Дмитрий Львович, приехавший из Тарту на юбилей доцент В.Т. Адамс, А.К.Раннит, Игорь Северянин (в морской фуражке), композитор Г.Фейшнер, я и болгарин В.Стоянов.

86. Будучи в Ленинграде, я навестил профессора Эйхенбаума. Я переписывался с Борисом Михайловичем и привёз ему свою работу о связях русских писателей с Эстонией и переводы Лермонтова. Эйхенбаум просил меня почитать ему новые стихи Северянина.

В Москве я встретился со многими поэтами: Николаем Асеевым, Иосифом Уткиным, Джеком Алтаузенем, А.Жаровым...

С каким увлечением внимал моим рассказам о Ленинграде и Москве Игорь Северянин.

87. В сентябре 1940 года Игорь Северянин читал мне свои приветственные стихотворения (появившиеся весной 1941 года в журнале «Красная новь»):

Шестнадцатиреспубличный Союз
Опередивший все края вселенной.
.....

С каким подъемом читал Игорь Северянин это стихотворение:

Союз любви, страна моя родная!
И как я горд, и как безбрежно рад,
Что все республики твои стальные,
Что все твои пятнадцать остальные
В конце концов, мой создал Ленинград.
И первая из них была Россия!

88. Вспоминая о «поэзовечерах», Игорь Васильевич нередко останавливался на своих совместных выступлениях с Владимиром Маяковским. Северянин обладал отличной памятью и пересыпал свои воспоминания экспромтами Владимира Владимировича, которых помнил множество.* Часть из них не вошла в стихотворные сборники Маяковского. Рождались они на вечерах – в ответ на вопросы слушателей.

89. В воспоминаниях Льва Вениаминовича Никулина* я нашёл новое подтверждение слышанного мною когда-то от Игоря Северянина.

Никулин говорит, что Маяковский после революции «подумывал» выражаясь стихами самого Северянина, «растолкать его для жизни как-нибудь». Он рассказывал о своей встрече с Северяниным в Берлине. Разговор шёл о выпущенной в Берлине в 1923 году книге Северянина «Соловей»:

«Поговорив с ним, с Северяниным, захотелось взять его в охапку, проветрить мозги и привезти к нам. Уверю вас, он мог бы писать хорошие, полезные вещи».

Читая эти строки я вспоминал, что мне рассказывал в своё время Северянин о последних встречах с Владимиром Маяковским за границей.

В конце тридцатых годов я подал Игорю Васильевичу мысль написать воспоминания о Маяковском, считая, что все видевшие и знавшие великого поэта обязаны рассказать о нём.

Эти мемуары Северянин читал мне два вечера подряд. Фрагменты из воспоминаний Северянина о В.В.Маяковском приобрел впоследствии музей им. Маяковского.*

90. Маяковский, будучи за границей, настойчиво звал Северянина вернуться в Советскую Россию. Об этом поэт неоднократно и сам подумывал. «Маяковский сказал мне, – добавил Игорь Северянин, – пора тебе перестать околачиваться по европейским лакейским. Один может быть путь – домой».

Игорь Северянин подробно рассказывал о своём участии в вечере, посвященном пятилетию советской власти.* «С отрывками из "Аэлиты" выступил в Берлине А.Н.Толстой, Маяковский читал свои произведения. Я прочёл "Весенний день", "Восторгаюсь тобой молодежь"»*.

Само выступление Игоря Северянина на этом торжестве в Берлине говорит о многом...

Игорь Северянин с большим чувством вспоминал также о том, что Владимир Маяковский предложил ему поместить новые стихи в «Известиях», предлагая баснословный гонорар за строчку*. Владимир Маяковский говорил о возможностях издания новых стихов Северянина в Советской России.

«Однажды – это было в начале двадцатых годов в Берлине, – рассказывал мне Игорь Северянин. – Он настаивал: "Приезжай в Москву, работа будет, я помогу". Слова эти меня больно задели».

91#. В 1939 г., по приглашению ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), я побывал в Ленинграде и Москве. Естественно, что поэта интересовали мои впечатления о родной стране.

Как-то в середине тридцатых годов в Тарту я говорил Игорю Васильевичу, что ему следует написать воспоминания, рассказать о совместных его выступлениях с Маяковским. Теперь, во время моего пребывания в СССР, я был поражен его культом здесь, особенно в Москве. Это побудило меня вновь настаивать на том, чтобы Игорь Северянин написал о В.Маяковском воспоминания. Вскоре они были написаны, однако, первый вариант их показался мне чересчур легковесным и несколько экстравагантно-интимным, о чём я тут же, без утайки, сказал автору. В дальнейшем Северянин несколько переработал свои воспоминания.

Этот мемуарный очерк был опубликован в 1988 году в журнале «Таллинн».

92. Побывав в 1939 году по приглашению ВОКС в Москве и Ленинграде, я рассказывал Игорю Северянину по возвращении о своих встречах с советскими писателями, между прочим, я дал совет Северянину написать воспоминания о Владимире Маяковском, которого Игорь Васильевич близко знал. Прежде чем приступить к написанию мемуаров, Игорь Васильевич несколько вечеров подряд рассказывал у нас дома о Маяковском. Эти беседы с Игорем Северяниным пришли мне на ум, когда я читал интереснейший том «Маяковский в воспоминаниях современников». Многие из авторов мемуаров о великом поэте революции упоминают Северянина...

93. Теперь, во время пребывания в СССР я был поражён любовью к нему [Маяковскому – прим. публикатора]. Это побудило меня вновь настаивать на том, чтобы Игорь Северянин. Это побудило меня вновь настаивать на том, чтобы Игорь Северянин написал о В.Маяковском воспоминания. Вскоре они появились, однако, первый вариант его мемуарного очерка показался мне чересчур легковесным и несколько экстравагантно-интимным, о чём я тут же, без утайки, сказал автору. В дальнейшем Северянин несколько переработал свои воспоминания.

94. Поэт нередко навещал нашу семью в Тарту, а в дальнейшем, когда в конце 30-х годов мы переехали в столицу Эстонии – и в Таллинне. Летом я бывал Тойла, излюбленном Северяниным приморском селении. Поэт умел видеть себя за гранью лет. Стихи, написанные Северяниным в Эстонии, глубоко автобиографичны. Вот отчего им присуще такое интимное звучание, в них, как в капле воды, отражён полный противоречий душевный склад поэта:

Я писал стихи, читал Майн-Рида,
При встрече с девочками краснел,
И одна из сверстниц была мой идол,
Хоть я и не знал, что мне делать с ней!..

И как тяжело было видеть Игоря Северянина одетым бедно, постоянно нуждавшимся в деньгах, А ведь это был чело-

век, избалованный славой, восхвалениями многотысячной толпы поклонников и почитателей, человек, привыкший к роскошной жизни, к красивым капризам, ко всем соблазнам буржуазного комфорта, который так картинно изображал в своих стихах. Именно поэтому-то нельзя было не поражаться тому, как гордо Северянин нес свой «подвижный крест» (об этом поэт говорит в одном из своих стихотворений). Северянин, видевший в этом свой сыновний долг перед Россией, выдержал, выстоял.

Поэт дожил до «великого сретения», до чаемых им в мечтах дней, когда он вновь стал гражданином своей Родины, когда его стихотворения увидели свет в крупнейшем советском журнале «Красная новь». Даря мне, мартовский номер журнала, где были помещены «Стихи о русских реках» и «Привет союзу!», Игорь Северянин сказал: «Наконец!»

95. В 1935 году вышел написанный онегинской строфой роман в стихах Игоря Северянина «Рояль Леандра». Поэт преподнес его мне с такой дарственной в 1941 году:

«Милому Юрию Дмитриевичу Шумакову с запоздалой ласковостью автор».

Этот подарок был повторный: поэт, видимо, позабыл, что прислал мне «Рояль» в 1936 году.

96#. Перед эвакуацией я заехал в Нарву.* Здесь мне сообщили о беспомощном положении Игоря Васильевича. Я отправился в Нарва-Йыэсуу со своим приятелем – журналистом Василием Григорьевичем Черстовым. Свидание наше было радостным: мы составили с Игорем Васильевичем несколько телеграмм и отправили их в Москву и Ленинград, умоляя о помощи.

Зная мои добрые отношения с поэтом Йоханнесом Варесом-Барбарусом, первым премьером Советской Эстонии, тяжелобольной Северянин попросил меня рассказать ему обо всем и похлопотать о транспорте.

На другой день я отправился на Кренгольмскую фабрику, где тогда находилось правительство ЭССР, с просьбой к Варесу-Барбарусу оказать Северянину помощь. Но фашисты уже рвались к Нарве, и ни о какой автомашине не могло быть и речи.

На следующий день я вновь у поэта. Запомнился тот вечер, проведенный с Игорем Васильевичем. Закатные лучи

озаряли комнату, где лежал поэт. Он жаловался на одиночество, заброшенность, вспоминал о своих былых триумфах в Петербурге, о том, как студенчество рукоплескало его стихотворению «Восторгаюсь тобой, молодежь».

О войне Северянин говорил с большим волнением. Он и мысли не допускал, что немцы одолеют Россию.

Мог ли я думать, что этот вечер – моя последняя встреча с поэтом.

97. В начале войны, по пути в эвакуацию я заехал в Нарву. Здесь мне сообщили о беспомощном положении Игоря Васильевича.

Я отправился в Нарва-Йыэсуу со своим приятелем – журналистом Василием Григорьевичем Черствовым. Свидание наше было радостным: мы составили с Игорем Васильевичем несколько телеграмм и отправили их в Москву и Ленинград.

Зная мои добрые отношения с поэтом Йоханнесом Варесом-Барбарусом, первым премьером Советской Эстонии, Северянин попросил меня рассказать обо всем и попросить автомашину для тяжелобольного.

На другой день я отправился на Кренгольмскую фабрику, где тогда находилось правительство ЭССР, беседовал с Й.Варесом-Барбарусом, но положение было отчаянное, фашисты рвались к Нарве, и ни о какой автомашине не могло быть и речи.

На следующий день я вновь навести Игоря Северянина. Живо запомнился тот вечер, проведенный с Игорем Васильевичем. Закатные лучи озаряли горницу, где лежал поэт.

Игорь Северянин жаловался на одиночество, оставленность, вспомнил о своих былых триумфах в Петербурге, о том, как студенчество рукоплескало его стихотворению «Восторгаюсь тобой, молодежь».

О войне Северянин говорил с большим волнением, но поэт не допускал мысли о том, что немцы одолеют Россию.

Мог ли я думать, что этот вечер – моя последняя встреча с поэтом.

98. В начале Великой Отечественной войны по пути следованна в эвакуацию я остановился в Нарве. Здесь мне сообщили о том, что Северянин очень плох. Я съездил в Нарва-

Йёсесуу, где тогда находился поэт. Игорь Васильевич был рад моему приходу.

Перемена, происшедшая в нем, поразила меня: как он осунулся, как заострились его черты. Привыкший к обществу поэт никак не мог смириться с недугом, обрешшим его на отрыв от друзей. Кроме того, поэту так хотелось эвакуироваться вглубь страны.

Северянин дал телеграмму М.И.Калинину с просьбой о помощи, обрисовал свое трудное положение в письме к А.Н.Толстому.

В Ленинград Игорь Северянин отправил В.А.Рождественскому полное отчаяния письмо, в котором он писал, что немцы уже близко, что он, по своему болезненному состоянию, не смог воспользоваться нормальными средствами эвакуации, что он умоляет обратиться к т.Жданову, просить прислать машину и вывезти его в Ленинград или Москву, что он, русский человек, чувствует свою близкую кончину, хочет умереть на Родине, которую никогда не забывал и всегда любил.

По просьбе Игоря Васильевича я говорил о нем с председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Йоханнесон Варесом-Барбарусом.

Но время было крайне тяжелое: Нарву уже бомбили фашисты.

Живо запомнился мне последний вечер, проведенный с Игорем Северяниным. Закатные лучи озарили комнату больного поэта. Северянин предавался воспоминаниям о Ленинграде и Москве, о былых годах.

– Неужели я скоро умру, неужели меня опустят в землю не в милой сердцу Москве!*

Беседуя, Игорь Васильевич прислушивается, ему чудилось: вот-вот приблизится автомашина, его увезут поближе к сердцу России.

99. Как любил поэт и быстроводную Нарову и Тёмный сад и старее ансамбли на берегу реки, домик Петра. В начале Великой Отечественной войны я навестил больного Северянина в Нарва-Йёсесуу. Прислушиваясь к доносившимся до нас из соседней Нарвы раскатам бомбежек, Игорь Северянин проклинал фашистов:

– Стервятники, уничтожить такой дивный город! Чего доброго, эти варвары посягнут и на великий город на Неве, на мой город».

С тревогой и надеждой ждал поэт: не пришлют ли за ним автомашину, ведь он обращался к А.Н.Толстому, писал В.А.Рожественскому, просил их содействия. А до того обратился с письмом к М.И.Калинину, рассказал о том, что он тяжело болен, что он русский человек и он хочет умереть на русской земле.

100. В дни Великой Отечественной войны я работал литературным сотрудником Государственных художественных ансамблей Эстонской ССР в Ярославле.

Иногда я вспоминал об Игоре Северянине, о нашей последней встрече с ним, рассказывал друзьям о том, как поэт, обессиленный недугом, страшился того, что похоронят его не в русской земле...

Лишь после окончания войны я узнал от друзей: Игорю Северянину не удалось, несмотря на его страстное желание, эвакуироваться. Изнурённого болезнью поэта перевезли в столицу, где он вскоре и скончался.

101. Шенгели узнал от знакомого офицера, что Игорь Северянин скончался.

102. Бывая в военные годы в частых командировках в Москве, я как-то по-особенному ощущал, что Северянин неотъемлем от русской культуры и размышлял над тем, как-то сложится его дальнейшая судьба. Не давали мне забыть о Северянине и те выдающиеся деятели советской культуры, с которыми я в это время общался. Ведь эти люди знали, что Северянин жил два десятилетия в глухом эстонском селении и расспрашивали меня, как «человека оттуда» о последних годах поэта.

Известный учёный, профессор Иван Никанорович Розанов*, показывая мне свою уникальную библиотеку, говорил о значении словоновшеств Игоря Северянина.

Владимир Иванович Немирович-Данченко* развивал при встрече со мной мысль, что при обучении актёрскому мастерству, молодёжи следовало бы читать стихи Бальмонта и Северянина.

Немало стихов Игоря Северянина сохранила память В.В.Вересаева*.

Борис Пастернак, с творчеством которого я знакомил эстонского читателя в середине тридцатых годов на страницах журнала «Лооминг», расспрашивал меня о жизни Северянина на чужбине. В моём дневнике военных лет сохранилось высказывание Пастернака: «Многие поэты подпали под влияние Игоря Северянина, некоторые учились у него мастерству. Я лично также обязан Игорю Северянину многим... Да разве я один... Возьмите ритмику и рифмовку раннего Маяковского...»

Престарелый поэт Дмитрий Цензор* картинно описывал вечера поэзии Игоря Северянина в Петербурге, читал пародии на вычурные стихи типа «Ананасов в шампанском».

Сергей Алымов, разбирая инструментовку Игоря Северянина, утверждал, что поэт – подлинный виртуоз.*

Из советских лириков в те годы я встречался с Иосифом Уткиным и Степаном Щипачёвым*, стихи которых я переводил на эстонский язык.

Степан Петрович, узнав, что я из Эстонии, спросил меня: знаю ли я Правдина? Ещё до войны Щипачёв получил пространное письмо от Б.В.Правдина, в котором между прочим сообщалось, что лирика Щипачёва нравилась Игорю Северянину.

103. В годы Отечественной войны я встретился в Москве с поэтом С.П.Щипачёвым. Он спросил меня: «Вы из Эстонии, знаете ли вы Бориса Васильевича Правдина?»

Ещё до войны Щипачёв получил письмо от Правдина, в котором давалась высокая оценка лирическим стихам Степана Петровича. Я рассказал Щипачёву о том, что мы читали его стихи в буржуазной Эстонии. Лирика Щипачёва нравилась Игорю Северянину, о чём и сообщил в своём пространном письме Б.В.Правдин.

104. Жена поэта Фелисса Михайловна скончалась 1957 году и похоронена в Тойла.

Её старшая сестра Линда Михайловна – свояченица Игоря Северянина – сохранила кабинет поэта в том же виде, в каком он был и при его жизни.

На стене портрет Фёдора Сологуба, работа К.Сомова, справа от окна – снимок Ольги Гзовской с дарственной надпи-

сью, слева – фотография с автографом певицы Лидии Липковской, с которой поэт неоднократно выступал на своих вечерах.

За стеклом в шкафу – снимки тех, кого любил Игорь Северянин.

В ящике шкафа – крестильная рубашка поэта, ей уже более ста лет... В нижнем ящике книга К.Д.Бальмонта с дарственной в стихах. В том же шкафу икона с изображением одноименника Игоря Северянина – святого князя Игоря. Читая житие этого, одного из первых мучеников России, Игорь Васильевич находил в нём немало общего со своей судьбой. Иконаталисман таже хранится в Тойла, с которой поэт не расставался во время поездок. Игорь Васильевич искренне считал, что эта иконка избавила его от гибели во время крушения поезда, от землетрясения, от нападения взбешенной истерички в Кишинёве. Северянин повторял: это то, что спасает от «труса (землетрясения), потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников, междоусобной брани и смертоносной язвы...»

Примечания и комментарии

1#. «В летние сезоны мой отец гастролировал в Нарва-Йыесуу» – сообщение не поддаётся проверке.

2. «Гуляя ребенком на берегу Наровы, я увидел лодку» – на берегах Наровы, а точнее, Россони Игорь-Северянин начал рыбачить, начиная с 1938 года, когда поселился в деревне Саркуль. Ю.Шумакову к этому времени исполнилось 23 года.

4. «Не хватало лишь пера в чёрных, как смоль, волосах» – сравни с воспоминаниями Арсения Формакова:

«Внимательно разглядываю Северянина. Он на тринадцать лет старше меня. Роста выше среднего. Большеносый, с короткими завитками чёрных, как смоль волос. Удлиненное лицо, которое принято называть «лошадиным». Рот - кривой, искривлён влево, вверх. Манеры с детства воспитанного человека. Красивые жесты красивых рук. Лицо со множеством продольных морщин напоминает лица краснокожих индейцев с иллюстраций к романам Фенимора Купера. Выражение – привычно надменное».

Экземпляр журнала «Звезда» №3 за 1969 год с автографом «Пусть эти страницы тоже лягут основанием вашего труда о нашем Северянине. А.Формаков. 3.V.59» хранился в личном архиве Ю.Шумакова.

7. «...в середине тридцатых годов я опубликовал несколько книг стихов» – Ю.Шумаков. Третья встреча. Звукопись. Альтаир, 1934. Ю.Шумаков. Густав Суйтс. Избранные стихотворения. Ноор Ээсти, 1934. Ю.Шумаков. Вне. Альтаир. 1934. Мария Ундер. Избранные стихотворения. Перевод Юрия Шумакова. Изд. Эст. Академического Женского Союза, 1935. Ю.Шумаков. Около. Orza – Beograd, 1936. В среде молодых русских литераторов и поэтов было чрезвычайно модно указывать в качестве места издания другие страны и мифические издательства.

8. Гзовская Ольга Владимировна, 1883–1962, русская актриса, режиссер, педагог.

Гайдаров Владимир Георгиевич, 1893–1976), актёр, второй муж О.В.Гзовской.

Гзовская и Гайдаров упомянуты в стихотворениях Игоря Северянина: «У Гзовской» (1923), «От Гзовской чуть не к Кантемиру» (1923).

10. Правдин Борис Васильевич, 1887–1960, русский поэт, переводчик и педагог, профессор Тартуского государственного университета.

«В те годы я увлекался иранской поэзией» – никаких следов увлечения иранской поэзией в ранних стихах Ю.Шумакова не обнаруживается.

12. *«Приезжая в Тарту, поэт обычно останавливался у Правдина»* – в целом сообщение соответствует действительности.

«Мне вспоминается заветный альбом Правдина» – о существовании таких альбомов с «десятками» посвящений Игоря Северянина третьим лицам или в альбомах третьих лиц других сведений не имеется.

«Особенно оживлённым был вечер, на котором Северянин читал стихи об эстонской природе» – сообщение не поддаётся проверке.

14. *«У нас в доме Игорь Северянин, нередко рассказывая о своём детстве, читал замечательные стихи»* – сообщение не поддаётся проверке.

«Здесь Игорь Васильевич держался подчас неестественно» – наблюдение, скорее всего, относится к товарищескому ужину 15 марта 1940 года, на котором присутствовали отец и сын Шумаковы. Ужин состоялся на следующий день после чествования поэта в зале Братства Черноголовых в Таллинне в связи с 35-летием со дня начала литературной деятельности.

15. *«На моей памяти лето 1930 года»* – в описываемое время Ю.Шумакову исполнилось полных 13 лет.

17. Фелисса Крут – правильно Круут. Жена Игоря-Северянина с 1921 года. В замужестве носила родовую фамилию поэта – Лотарёва.

Сыльг – правильно sõlg, эст. брошь, застежка, фибула.

Тану – правильно tanu, эст. чепец.

«Во время концертов Игоря Северянина и Фелиссы Михайловны Крут эстонская поэзия прозвучала впервые в оригинале и переводе со сцены европейских столиц» – достоверно известно, что Фелисса выступала вместе с мужем 8 декабря 1921 года на вечере по случаю открытия библиотеки русского студенчества в Берлине; 17, 18 и 19 октября 1923 года в Гельсингфорсе (Хельсинки); 22 ноября 1930 года в Белграде в зале Велика Дворана Университета.

18. *«переводы из эстонских поэтов, после чего Ариадна Изумрудная»* – псевдоним Ф.Лотарёвой использовался только однажды – 17, 18 и 19 октября 1923 года в Гельсингфорсе (Хельсинки). «Ariadne» – название парохода, курсировавшего в 20-е годы на линии Таллинн-Гельсингфорс.

19#. Шульгин Василий Витальевич, 1878 – 1976, член Государственной Думы России, монархист, идеолог «белого» движения, автор книг «Дни», «1920», «Три столицы», «Что нам в них не нравится». Ему посвящены стихотворения Игоря-Северянина «Портрет Даринки» (1931), «Двадцать восемь серпантин» (1931), «Вот, Северянин, тут и радуйся» (1932), сонет «Шульгин» (1934). Подробнее о встречах поэта с Шульгиным см. В.Шульгин «Воспоминания об Игоре-Северянине», Владимир, 2006.

20. *«...ему довелось встретиться в эту поездку – от ресторанного лакея до югославской королевы Марии»* – личной встречи не было, но известно, что Игорь Северянин, желавший издать сборник стихов «Классические розы» в серии «Русская библиотека», посвятил его королеве Югославии Марии.

21. Пюхтица – Святая гора или Журавлиная гора, место, где была найдена чудотворная икона Успения Божией Матери; в 1886 году здесь был основан Святоуспенский женский монастырь.

«Улов по обыкновению дарил инокиням» – см. воспоминания Арсения Формачова («Звезда», № 3, 1969), описывающие события лета 1926 года:

«...Наконец, настал день долгожданного похода в Пюхтицы. Об этом походе и всех прелестях, которые я увижу, Северянин распространялся задолго до срока. Пройти надо было километров тридцать (что меня немало пугало), Северяниным – привычным ходакам – это казалось делом пустяковым: рано утром выйдем, к вечеру – там.

Собралась идти с нами и старшая сестра Фелиссы Михайловны.

Поход удался на славу. Одно только беспокоило заботливого Северянина: они трое были в высоких сапогах, а я отправился в сандалиях на босу ногу, – по дороге же могли попасться змеи, которые выползают на тропинку погреться на солнце. Идти придется гуськом, значит, по соображениям техники безопасности, я должен был шагать вторым или третьим...

Шли мы от моря на юг, почти все время по болотам, прорезанным живописными каналами и поросшими мелкой – болотной – сосной.

Очень скоро нашли рыбацью лодку Северянина и пару весел к ней, где-то запрятанных, и кусок пути сделали по лабиринту осушительных каналов.

Порой лодку приходилось перетягивать из одного канала в другой. Потом, когда водный путь кончился (а это – привычный путь Северянина, когда он отправляется на рыбную ловлю), начинались сказочные лесные озера, каждому из которых посвящено отдельное стихотворение.

Вот они передо мной на фотографиях, тогда же сделанных: поросшее белыми купавами озеро Рек, тенистое Вазавере, обширное Лийв... И всюду наша группа туристов, причем, в центре Игорь Васильевич всегда в какой-нибудь напряженной, неестественной позе. Даже в инсценировке – с каким-то случайно подвернувшимся под руку длиннющим шестом, заменяющим удочку, – он стоит, как парализованный.

К вечеру длинного летнего дня мы вышли, наконец, из лесов и увидели вдалеке, посреди открытой равнины, позлащенные закатом стены, башни и купола Пюхтицкого

женского монастыря. Оставалось пройти ещё километра три.

У стен монастыря, возведенного на средства какой-то богобоязненной филантропки, расположено богатое рыбой озеро, в садах – по весне – множество соловьев. Обо всем этом у Северянина много стихов, из них лучший посвящен С. В. Рахманинову:

Все они говорят об одном

*Соловьи монастырского сада.
Как, и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада,
И что эта отрада – в любви <...>*

Приняли нас в монастырском общежитии, как обычных паломников. Северянин оскорбился. Его должны были узнать и принять не так, как всех. Поэтому, словно разобиженный ребенок, он заявил, что на следующее же утро мы возвращаемся домой... Пришлось уступить».

По дороге в Пюхтицы: Линда Крут, стоят – Игорь-Северянин, А.Формаков, Ф.Лотарёва, Июль 1926 года. Фото А.Формакова.

25. «...спич за спичем и об искусстве пламенный спор, насмешки над мещанством бычьим и над кретинами топор» – цитата из романа в стихах «Рояль Леандра».

26. Кульбин Николай Иванович, 1868–1917, действительный статский советник, приват-доцент Военно-Медицинской Академии, увлекшийся кубофутуризмом самодельный художник-авангардист.

27#. «В свое время, бывая в Пюхтицах, мы непременно навещали её» – сообщение не поддаётся проверке. Известно, что Е.Л.Шаховская в монастыре вела уединённый образ жизни.

«Северянин любил читать ей свои новые произведения» – См. воспоминания Арсения Формакова («Звезда», № 3, 1969):

«Приняли нас в монастырском общежитии, как обычных паломников. Северянин оскорбился. Его должны были узнать и принять не так, как всех. Поэтому, словно разобиженный ребенок, он заявил, что на следующее же утро мы возвращаемся домой... Пришлось уступить».

«Будучи нередким ее гостем, я по свежей памяти заносил «показания» свидетельницы истории» – сообщение не поддаётся проверке. Рассказов Е.Л.Шаховской в посмертном архиве Ю.Шумакова не обнаружено. Сам он утверждал, что эта часть архива была им брошена в Таллинне в 1941 году и разграблена после одной из бомбёжек. Документально доказано, что книги из довоенной библиотеки Шумакова попали в руки поэтессы Ирины Борман и после её смерти сданы племянником в букинистический магазин. Тем не менее, быть «нередким гостем» в Пюхтице в 30-х годов было довольно сложно, поскольку из Тарту прямого сообщения с Пюхтицами не было.

Фотография Е.Л.Шаховской (оригинал) хранится в архиве публикатора.

29#. Адамс Вилмар Теодорович (Владимир Фёдорович), 1899–1993, эстонский поэт и писатель, преподаватель Тартуского государственного университета.

32. «стал проводить лето в этом рыбацком селении, откуда было рукой подать до монастыря» – по подсчётам самого Шумакова расстояние от Тойла до Пюхтиц по прямой составляет 33 километра:

«Пешешествия – любимый вид спорта Игоря Северянина. Шли не быстро, но и не медленно. Иногда останавливались возле уединённых озёр, так образно воспетых им в стихах, рыбачили». (Ю.Шумаков. Пристать бы мне к родному берегу. 1992.).

В действительности расстояние от Тойла до Пюхтиц превышает по любой дороге сорок километров. Любое «пешешествие» в оба конца, а особенно по лесным дорогам и с многочисленными переправами через речки и озера, ужением рыбы должно составлять не менее трёх суток – день на дорогу в Пюхтицы, ночёвка и день в монастыре, ещё ночевка и день на обратную дорогу в Тойла. Паломничество вполне осуществимое один раз в году 28 августа (15-го по старому стилю) на престольный монастырский праздник – Успение Божьей Матери, однако упоминания о таких (регулярных) паломничествах в известных письмах поэта нет.

34. «...уже был объявлен поэзоконцерт Игоря Северянина» – возможно, речь идёт о мартовских днях 1940 года (14 марта состоялось чествование поэта в связи с 35-й годовщиной со дня начала профессиональной литературной деятельности). Ближайшие выступления в Таллинне состоялись – 16 февраля 1932 года, 3 ноября 1934 года, 23 марта 1936 год и 4 марта 1938 года. Ни одна из этих дат не подходит для перемещения чудотворной иконы Успения Божьей Матери из Пюхтиц в Таллинн. В 1932 году Ю.Шумаков было 18 лет, в 1940 – 26 лет.

«...срeтать Владычицу» – церковнославянское *срeтение* – встреча.

35. «Ату, терзайте стаей гения!» – ссылка на неизвестный текст, перекликающийся по названию с известным стихотворением А.Пушкина «Клеветникам России». А.Блоку посвящены стихотворения: «В блёсткой тьме (1913), «На смерть Александра Блока» (1921), сонет «Блок» (1926). Скорее всего, текст (мистификация) принадлежит Ю.Шумакову.

Крайний Антон – псевдоним Зинаиды Гиппиус.

36. *«В начале тридцатых годов при встрече с З.Гиппиус и Д.Мережковским в Париже Игорь Северянин довёл их до безиенства»* – сообщение не поддаётся проверке.

«Игоря Северянина угнетало чувство вины перед покинутой им родиной» – сообщение не поддаётся проверке. Понятное стремление мемуариста подкрасить поэта в причлествующий перестройке розовый цвет. Сравни с ответом Игоря-Северянина полпреду Ф.Раскольникову: *«Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник, дачник с 1918 года»*. В ответе нет ни чувства вины, ни страха.

38. *«С неподдельным восторгом говорил Северянин о Есенине»* – мемуарист стремиться доказать доброе отношение Игоря-Северянина к Есенину, ссылаясь на неподтвержденные разговоры с поэтом. В письме графине Карузо поэт признался, что Есенина не любит и не понимает.

«Как свежий ветер дорог ты России...» – ссылка на неизвестный текст. Есенину посвящен сонет в сборнике Игоря-Северянина «Медальоны, в котором он аттестован в качестве «благочестивого русского хулигана». Скорее всего, текст принадлежит Ю.Шумакову.

39. *«Побывав в древнем Псково-Печёрском монастыре, Игорь Северянин послал Сергею Васильевичу Рахманинову, посвященное композитору стихотворение»* – Стихотворение «Все они говорят об одном» навеяно соловьями Пюхтицкого Святоуспенского женского монастыря. Игорь-Северянин впервые побывал в Печёрах в сентябре 1929 года, а стихотворение написано в 1927 году. В письме Игоря-Северянина к Рахманинову читаем:

«Мой дорогой Сергей Васильевич!

Радостно благодарю Вас за портрет Ваш с надписью. Посылаю Вам стихи, – для Вас воспринятые, – которые давно уже хотел (и был обязан) Вам переслать. Они вошли в книгу, изданную в Белграде в 1931 г.»

[до 4 июня 1939 г.]

См. также примечание к фрагменту № 21 – воспоминания А.Формакова.

41. «...я переписал в свой дневник» – в посмертном архиве Ю.Шумакова дневник отсутствует. В описи имущества сгоревшего в июле 1941 года в Усть-Нарве [РГАЛИ] указано, что среди застеклённых карточек сгорела карточка А.Толстого. Но, кто именно из Толстых – поэт Алексей Константинович (любимый с детства) или писатель Алексей Николаевич (красный граф и насмешник) – был запечатлен на карточке не известно. В сгоревшей шкатулке находились письма, но роспись отсутствует. В той части архива Игоря-Северянина, которая сохранилась в Тойла, писем А.Н.Толстого нет. Далее по тексту приведён неизвестный текст, который, вероятно, принадлежит Ю.Шумакову.

42. «...в те годы так трудно было доставать стихи советских лириков» – в личной библиотеке Игоря-Северянина был сборник стихов В.Рождественского «Золотое веретено» (Петербург, Retropolis, 1921).

«Перед самой войной Игорь Северянин увидел у меня на столе томик стихов Вадима Шефнера» – сообщение не поддаётся проверке, поскольку предвоенный стол мемуариста находился в Таллинне, а поэт в это время постоянно жил в Усть-Нарве и с конца мая 1941 года практически не вставал из постели.

43. *«С каким интересом слушал Игорь Северянин мои рассказы о том, как в середине тридцатых годов, я, гостя у Иоганнеса Вареса-Барбаруса в Пярну, побывал с поэтом на банкете, на котором присутствовали Всеволод Иванов и Николай Тихонов...»* – сообщение не поддаётся проверке.

48#. *«...концертировал Сергей Прокофьев, знакомый с моей матушкой, Любовью Тимофеевной, по Петербургу»* – сообщение не поддаётся проверке.

49. *«После концерта композитор у нас ужинал»* – сообщение не поддаётся проверке.

50. *«...вспоминал при встрече со мной в Тарту в тридцатые годы, во время выступлений с концертами в Эстонии, С.С.Прокофьев»* – сообщение не поддаётся проверке.

«Прокофьев после ужина заговорил о концертах Северянина» – единственным связующим звеном между композитором и поэтом был человек из окружения Игоря-Северянина – Борис Николаевич Башкиров (Верин), носивший шуточный титул «принц Сирени». Ему посвящены стихотворения: «Поэза строгой точности» («Поэзоконцерт»); «Принц Фиолетовой Сирени...» (посв. к сб. «Соловей»); «Борису Верину» («Вервэна»); «Поэза Принцу Сирени» («Фея Eiole»). Башкирову поэт доверил свой дореволюционный архив, который тот бросил в Петрограде. Какое-то отношение Башкиров имел к аресту Н.Гумилёва. В конце 30-х годов Башкиров поссорил Игоря-Северянина с адресатом поэмы-миньонета «Это было у моря» А.Воробьёвой. В это время он уже жил в Германии в местечке Этгаль близ Мюнхена, где выполнял обязанности секретаря С.С.Прокофьева.

55. *«Да, ведь у Северянина почти оперный голос, – подумал я»* – по свидетельству В.Адамса, дружившего с Игорем-Северяниным, у поэта был хорошо поставленный – оперный – голос, и он мог по памяти исполнить любую оперную партию так, что стены дрожали. Этот рассказ был хорошо знаком мемуаристу

58. *«В Тойла я не раз гостил у Северянина»* – сообщение не поддаётся проверке.

«В столовой Северянина на полке красуется волжское судно» – фрагмент полностью навеян стихотворением «Модель парохода» из сборника «Классические розы».

59. *«...продавая свой подчас скудный улов кухаркам именитых дачников»* – сообщение не поддаётся проверке, скорее всего, единичные случаи возведены мемуаристом в ранг правила с целью подчеркнуть бедственное положение поэта во всё время жизни его в Тойла и Усть-Нарве (Нарва-Йыесуу).

63. *«Помню, как Михаил Чехов, известный актёр, рассказывал мне»; «Подобные рассказы приходилось слышать также от актрис»* – сообщения не поддаются проверке.

65. *«Однажды вечером к нам на огонёк зашли Игорь Северянин и Богданов-Бельский»* – сообщение не поддаётся проверке.

66. *«Увы куриные пупки»* – написано карандашом на полях машинописи. Скорее всего, это один из вариантов экспромта, приписываемого мемуаристом Игорю-Северянину. Поэту вообще не были свойственны экспромты.

70. *«...на вечере, посвященном пятидесятилетию поэта»* – сообщение не поддаётся проверке, поскольку сведений о вечере поэта в апреле-мае-июне 1937 года не имеется. Ближайшие выступления в Таллинне: 23 марта 1936 года на литературном вечере местных русских литераторов, январь 1938 года – лекция о поэтах начала XX века.

«переговоры об издании сборника его стихотворений», «...были намечены поездки и выступления Игоря Северянина в Ленинграде и Москве» – сообщения не поддаются проверке.

72. *«...которое поэт читал мне в середине сороковых годов»* – вероятно, мемуарист имел в виду середину 30-х годов, поскольку стихотворение «Без нас» имеет пометку «Таллинн. Март 1936».

73. *«Совместно с обоими поэтами я совершил однажды летом плавание по реке Эмайыги от Тарту через Чуцкое озеро и по Нарове вплоть до Нарвы»* – сообщение не поддаётся проверке.

80. Веске Михкель, 1843-1890, эстонский поэт, этнограф, лингвист, специалист по финно-угорским языкам.

Словацкий Юлиуш, 1809-1849, польский поэт.

81. 81. *«Пишущему эти строки»* – журнал Академии Наук Эстонской ССР и Союза писателей ЭССР «Keel ja Kirjandus» (Язык и Литература) № 8, 1966. Перевод Ю.Шмуакова

Тоом Леон Валентинович, 1921-1969, здесь переводчик эстонской поэзии на русский язык.

83. *«Сидим втроем в сквере у памятника Линде, окаймленного кустами сирени»* – сообщение не поддаётся проверке, вероятно, мемуарист имеет в виду сотрудника постпредства СССР В.Б.Бочкарёва.

«Спиной я повернулся не к России, а к Сталину» – в письме Игоря-Северянина к Г.Шенгели от 4 октября 1940 года читаем:

«В скором времени я напишу Сталину, ибо знаю, что он воистину гениальный человек».

В Усть-Нарве в одной из комнат на стене висела фотография Сталина, которая упомянута поэтом в описи сгоревшего в доме имущества

86. Эйхенбаум Борис Михайлович 1886–1959, литературовед.

«В Москве я встретился со многими поэтами: Николаем Асеевым, Иосифом Уткиным, Джеком Алтаузенем, А.Жаровым» – советские поэты.

88. *«...и пересыпал свои воспоминания экспромтами Владимира Владимировича, которых помнил множество»* – в 1940 году Игорь-Северянин написал воспоминания «Моё о Маяковском», экспромты Маяковского в котором отсутствуют. Поэт Вадим Баян (В.В.Сидоров) вспоминал, что во время совместного турне по Крыму зимой 1914 года Маяковский по любому поводу изводил Игоря-Северянина цитатами из его стихотворений. Кроме того, когда тот читал на сцене *«Олазорим, легко олазорим пароход, моноплан, экипаж!»*, Маяковский басил за его спиной *«Опозорим, легко опозорим...»* (В.Сидоров. Первая олимпиада российского футуризма. ГММ.) В письме Игоря-Северянина к Г.Шенгели от 6 февраля 1941 года читаем:

«Я решил приналечь на работу и выслать Вам "Мое о Маяковском" поскорее, ибо обстоятельства не терпят... у меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведро поднять не могу: задыхаюсь буквально».

89. Никулин Лев Вениаминович (псевдоним Льва Владимировича Ольконицкого), 1891-1967, советский писатель.

«Фрагменты из воспоминаний Северянина о В.В.Маяковском приобрел впоследствии музей им.Маяковского» – написано до того, когда появилась публикация воспоминаний Игоря-Северянина о Маяковском, поэтому в нём фигурируют «фрагменты». Окончательный вариант появился после публикации воспоминаний (см. «Заметки о Маяковском». «Галлин, №5,

1988). Скорее всего «мысль» написать воспоминания о Маяковском была подана Г.Шенгели, переписка с которым у Игоря Северянина возобновилась в 1940 году или кем-то из советских журналистов, с которыми поэт встречался осенью 1940 года.

90. *«Игорь Северянин подробно рассказывал о своём участии в вечере, посвященном пятилетию советской власти»* – вечер состоялся 7 ноября 1923 года в Полпредство РСФСР.

«Я прочёл "Весенний день"» и «Владимир Маяковский предложил ему поместить новые стихи в «Известиях», предлагая баснословный гонорар за строчку» – сравни в «Заметках о Маяковском»:

«В день пятой годовщины советской власти в каком-то большом зале Берлина торжество. Полный зал. А. Толстой читает отрывки из «Аэлиты». Читают стихи Маяковский, Кусиков. Читаю и я «Весенний день», «Восторгаюсь тобой, молодежь». Овации. Мое окружение негодует».

– Дай мне несколько стихотворений для «Известий», – говорит Маяковский: – получишь гонорар по 1000 марок за строку (времена инфляции). Я так рад, что и без денег дал бы, по мое окруженье препятствует. Довод: если почему-либо не вернетесь на родину сразу же, зарубежье с голоду уморит».

96. *«Перед эвакуацией я заехал в Нарву», «Я отправился в Нарва-Йыэсуу»* – в архиве публикатора хранится магнитофонная запись беседы с Ю.Шумаковым:

«– В Усть-Нарву мы приехали в первых числах августа. Простите, но точные даты – это не моя стихия. Остановились в доме, где жил Игорь Васильевич. Он был болен, полеживал. Мы с отцом целыми днями пропадали в Нарве: хлопотали о получении эвакуационных удостоверений. Знаете, тогда ходили такие слухи, что с той стороны границы «красные хунхузы» занимаются откровенным разбоем. Словом, для эвакуации были нужны официальные документы НКВД. В один из таких дней в Нарве я попал на прием к Барбарусу, которого хорошо знал. Я рассказал ему о бедственном положении Игоря-Северянина. Он обещал подумать, но, знаете ли, ему было не до этого.

– Получить эвакуационные предписания Вам помог сам Барбарус?

– Слава Богу, нашелся один из бывших папиных учеников, который раздобыл нам необходимые бумаги. Поздним вечером состоялся семейный совет. Времени на раздумья не оставалось: поезда уже не ходили, а другого транспорта не было. Я хорошо понимал, что все «прелести» пешего похода со стариками родителями лягут на мои плечи, но другого выхода не было.

– А как же Ваш старший брат?

– Думал ли я о судьбе брата? Об этом вслух не говорили, но подразумевалось... Мне тогда казалось, что я от этого застрахован: поэт, известный переводчик советской поэзии, сотрудник эстонского советского журнала «Вийснурк», активист БОКС, Матушка в этом отношении была более прозорливой, и она оказалась права. Уходили до света. Будить Игоря Васильевича я не решился, даже записочку не успел оставить, думал, поймет...

Ю.Шумаков вместе с родителями остановился в доме № 20 по улице Раху (дом сохранился). Семья Шумаковых покинула Усть-Нарву в ночь на 14 августа 1941 года. О событиях августа 1941 года подробно смотри в книге М.Петрова «Донжуанский список Игоря-Северянина» (Таллинн, 2009).

98. «Неужели я скоро умру, неужели меня опустят в землю не в милой сердцу Москве!» – довольно странное опасение, поскольку известно, что поэт никогда не жил постоянно в Москве, хотя первые свои пять книг издал в Москве. Понятно, если бы речь шла о Петербурге или Гатчине, с которыми в жизни Игоря-северянина было многое связано. По сообщению В.Б.Коренди, Игорь-Северянин неоднократно, начиная с весны 1940 года, просил отпустить его умирать в Тойла.

101. «Шенгели узнал от знакомого офицера, что Игорь Северянин скончался» – вероятно, речь идёт о генерале НКВД В.Н.Ильине, который впоследствии служил огрсекретарём Союза писателей СССР. В первый год войны Ильин организовывал в Москве коммунистическое подполье на случай сдачи города немцам.

102. Розанов Иван Никанорович, 1874–1959, литературовед, книговед, собрал обширную библиотеку русской поэзии.

Немирович-Данченко Владимир Иванович, 1858–1943, режиссер, писатель, педагог, театральный деятель

Вересаев Викентий Викентьевич (псевдоним В.В.Смидовича), 1867–1945, русский, советский писатель.

Цензор Дмитрий Михайлович, 1877–1947, поэт.

«Сергей Алымов, разбирая инструментовку Игоря Северянина, утверждал, что поэт – подлинный виртуоз» – живя в начале 20-х годов в Китае, Алымов опубликовал в издательстве «Окно» (Харбин, 1920) сборник эпигонских стихов «Киоск нежности».

Щипачёв Степан Петрович, 1898 –1979, советский поэт.

* *
*

Никто не задумывался над тем, почему люди, дружески общающиеся, как минимум полтора десятилетия, дарят друг другу книжки, фиксируя «запоздалую ласковость».

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Милому Юрию Дмитриевичу
Щипачёву с благодарностью
ласковости автор.
РУМЫНИЯ. Галлия.
Бухарестъ. 1941/2
1935 г.